

На правах рукописи

ДМИТРИЕВА Татьяна Николаевна

ТОПОНИМИЯ БАССЕЙНА РЕКИ КАЗЫМ

Специальность 10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(финно-угорские и самодийские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Ижевск – 2006

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Уральский государственный университет имени А.М. Горького»

Научный консультант: член-корр. РАН, доктор филологических наук, профессор **А. К. Матвеев**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук **М. Г. Атаманов**, доктор филологических наук, профессор **И. И. Муллонен**, доктор филологических наук, профессор **Д. В. Цыганкин**

Ведущая организация: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

Защита состоится «27» сентября 2006 года в 10. 00 на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.06 в Удмуртском государственном университете по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2, ауд. 204. С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Удмуртского государственного университета.

Автореферат разослан « » _____ 2006 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
ДМ 212.275.06

Н.И. Чиркова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Топонимия коренных народов *Севера Западной Сибири* заслуживает самого пристального внимания как уникальный источник информации о их языке, истории и культуре. Однако до сих пор топонимические системы в районах проживания ханты, манси, ненцев изучены недостаточно. Систематический, целенаправленный и профессиональный полевой сбор топонимического материала здесь, к сожалению, не проводится.

О географических названиях этой огромной территории уже существует ряд исследований отечественных и зарубежных авторов (Л.И. Калинина, В. Штейниц, Р. Радомски, А.К. Матвеев, М.А. Тяботов, Н.К. Фролов и др.). Но на топонимической карте региона еще очень много белых пятен, и в современных условиях они могут навсегда остаться таковыми. В районах добычи нефти и газа в результате действия социально-экономических, демографических и других факторов аборигенное население утрачивает свою традиционную культуру: с большим притоком нового, пришлого населения усиливаются процессы лингвоэтнической ассимиляции коренных жителей, утрачивающих возможность традиционного ведения хозяйства и отходящих от традиционного образа жизни, связанного с рыболовством, охотой, оленеводством, собирательством. Это неизбежно приводит к забвению местных названий, особенно микротопонимов, они исчезают безвозвратно и, возможно, еще через десяток лет в местах наиболее активной нефтегазовой экспансии пропадут навсегда.

Актуальность сбора и исследования аборигенной топонимии на территориях промышленного освоения недр или в непосредственной близости от таких территорий в современных условиях особенно возрастает. Одним из средств сохранения топонимической информации для будущих поколений становится скорейший сбор материала на местах и последующее составление региональных словарей и монографических описаний местных географических названий как части культурного наследия народов Западной Сибири. Предлагаемая работа является новым шагом на пути регионального изучения топонимии коренных народов Нижнего Приобья.

Объектом данного исследования является *топонимия бассейна реки Казым*, правого притока Оби, протекающего по территории Белоярского района Ханты-Мансийского округа Тюменской области. Полного и всестороннего описания казымских топонимов до сих пор еще не предпринималось, лишь отдельные названия интерпретировались В. К. Штейницем [1962,1980], Р. Радомски [1969,1994], А. К. Матвеевым [1994,1997], Н. К. Фроловым [1983, 1994, 2000], М. А. Тяботовым [1975, 1991, 1993].

Бассейн реки Казым представляет особый интерес в этноисторическом, историко-культурном и историко-лингвистическом отношении. Коренными жителями региона являются *казымские ханты*. До настоящего времени они сохранили черты традиционного хозяйственного уклада и культурные традиции. Здесь существует в живом употреблении хантыйский язык и функционирует *живая хантыйская топонимия*. Важно и то, что Казым – территория *многосторонних этнических контактов*. Ханты, которые составляют преобладающую этническую группу коренного казымского населения, издавна контактируют с *лесными ненцами*, жителями верховьев Казыма (у них также до сих пор сохраняются традиционные формы хозяйства и культуры); кроме того, здесь же проживают *коми* и были *манси*, сыгравшие свою роль в истории формирования этнической группы казымских ханты. В последние десятилетия в регионе появилось многочисленное *русское население*, и его теперь значительно больше, чем коренного. Топонимия неизбежно отражает этнические контакты и взаимодействие языков, происходившие на Казыме с древности и продолжающиеся в настоящее время.

Вследствие освоения Казымского региона главным образом хантыйским населением подавляющее большинство топонимов здесь составляют *хантыйские географические названия* (хантыйские по происхождению, употребляемые в живой речи ханты, в адаптированной форме зафиксированные на картах и в прочих источниках, частично известные и другим этническим группам и вошедшие в официальное употребление). Поэтому именно они являются основным материалом, подвергающимся исследованию в данной работе. Выявленные здесь немногочисленные топонимы нехантыйского происхождения рассматриваются как источник для изучения истории и современного состояния лингвоэтнических контактов на территории региона.

Целью диссертации является *комплексное структурно-семантическое, историко-лингвистическое и историко-культурное описание топонимии бассейна реки Казым*.

В качестве основных **задач** исследования определяются следующие:

- Анализ структуры хантыйских топонимов.
- Анализ детерминантов хантыйских топонимов (характеристика их семантики и особенностей функционирования).
- Изучение атрибутивных компонентов хантыйских топонимов с учетом семантики лексем и особенностей номинации объектов; выявление географической и этнокультурной информации, содержащейся в топонимах, и ее специфики.
- Рассмотрение вопросов лингвоэтнического взаимодействия на материале топонимии региона; характеристика топонимов неясного происхождения.

Методологической основой данной работы является *комплексный лингвистический и историко-культурологический подход* к изучению регионального топонимического материала. Конкретные методы, используемые в диссертации, традиционны: метод научного описания, метод структурной и семантической классификации, метод этимологического анализа, метод статистического и сравнительного анализа; метод топонимической идентификации.

Источники материала. Исследование базируется на *полевых материалах* с широким привлечением сведений из *картографических и письменных источников*.

Полевое изучение географических названий бассейна Казыма было начато автором в 1987 г. С 1987 по 1993 гг. обследование Казыма проводилось комплексно: группой Топонимической экспедиции кафедры русского языка и общего языкознания Уральского университета совместно с археологами Северного отряда Уральской археологической экспедиции УрГУ. В 1995 и в 1998–2001 гг. автором были предприняты индивидуальные поездки для сбора и проверки данных по топонимии региона. Работа велась в населенных пунктах Белоярского (до 1988 г. – Березовского) района Ханты-Мансийского автономного округа (в с. Казым, д. Амня, д. Хуллор, д. Юильск, д. Нумто, с. Полноват, д. Пашторы, д. Тугияны, д. Ванзеват, г. Белоярский), а также в пос. Березово Березовского района ХМАО. В общей сложности в 1987–2001 гг. состоялось 13 выездов на Казым, в результате чего был собран значительный по объему и уникальный по содержанию полевой материал. В топонимической и лексической картотеках, собранных в ходе полевых экспедиций, насчитывается свыше 10 тыс. ед. Общее число анализируемых топонимов – около 2,5 тыс. Из них подавляющее большинство составляют топонимы хантыйского происхождения. Русских топонимов (с учетом калек) выявлено менее 100, ненецких – чуть более 100.

За весь срок полевой работы в населенных пунктах по Казыму и на примыкающих территориях было опрошено 148 информантов – почти все они ханты, есть несколько ненцев (8 чел.), коми (5 чел.) и манси (1 чел.).

Кроме полевой топонимической картотеки, автором в результате многолетней работы собрана насчитывающая свыше 5 тыс. ед. картотека топонимов, извлеченных из многочисленных картографических и письменных источников (из более чем 120 карт XVII–XX вв., из документов Тобольского филиала Государственного архива Тюменской области и Государственного архива ХМАО, из списков населенных мест, литературы по топонимии, истории, археологии, этнографии, по языку и фольклору ханты и ненцев, из словарей и учебников хантыйского языка, из современных изданий фольклорных текстов на хантыйском языке и пр.).

Имеющийся материал позволяет провести всестороннее исследование казымской топонимии, созданной многими поколениями жителей региона.

Научная новизна диссертационной работы заключается прежде всего в том, что в ней впервые интерпретируется и вводится в научный оборот *уникальный материал*. Хантыйская топонимия бассейна реки Казым, подвергнутая детальному языковому и историко-культурологическому анализу, *впервые представлена как энциклопедия языка, истории и традиционной культуры одного из коренных этносов севера Западной Сибири – народа ханты*. Целый ряд хантыйских топонимов восстановлен из деэтимологизированных форм или адаптированных на русской почве. В составе топонимов обнаружены отдельные лексемы казымского диалекта, не отмеченные в словарях хантыйского языка. Выявлена специфика лингвоэтнических контактов на Казыме и отражение их в топонимии: показана роль взаимодействия ханты с коми, манси, ненцами и русскими в формировании топонимической системы региона; положено начало изучению топонимии лесных ненцев, которая до сих пор не привлекала внимание топонимистов. Предпринята попытка интерпретации казымских топонимов неясного происхождения.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Топонимия бассейна реки Казым, являющаяся преимущественно хантыйской, представляет собой уникальный и энциклопедически богатый источник сведений о природе Казымского края, о языке, истории и культуре народа ханты. Хронологически хантыйская топонимия Казыма – в основном поздний пласт.

2. Хантыйские топонимы Казыма имеют традиционную для финно-угорских языков многокомпонентную структуру, при этом наиболее частотны трех- и двухкомпонентные названия. Из частей речи в составе хантыйских топонимов преобладают имена существительные и прилагательные; нередко используются глагольные (причастные) конструкции; типичными являются комплексы-микросистемы, или блоки топонимов; широко представлены эллиптированные топонимы.

3. Топонимические детерминанты в хантыйской топонимии Казыма характеризуют природные, географические реалии и культурные объекты территории региона. Основную массу составляют детерминанты, обозначающие природные объекты. Характерная для хантыйской географической терминологии конкретизация и детализация хорошо прослеживается в топонимии. Своеобразие географической терминологии казымских ханты проявляется в обилии терминов, обозначающих водные объекты (река, ручей, протока, озеро, старица и др.), и создается прежде всего за счет локальных заимствований из языка коми, а также в результате образного переосмысления лексем, изначально не имевших географической семантики.

4. Собранный в полевых условиях материал свидетельствует, что подавляющая часть хантыйских топонимов Казыма прозрачна по семантике и сохраняет мотивированность в сознании современного хантыйского населения региона. Изучение семантики атрибутивных компонентов топонимов, проведенное с учетом особенностей номинации объектов, способствовало выявлению географической и этнокультурной информации, содержащейся в географических названиях. В семасиологическом и ономасиологическом отношении хантыйские топонимы Казыма в основном отражают общие, универсальные топонимические закономерности. Специфичными являются многочисленные ситуативные, событийные названия, характерные для топонимической системы, создаваемой народом, сохраняющим черты традиционного хозяйственного уклада, – охотниками, рыболовами, оленеводами. Для хантыйской топонимии Казыма также характерны образные, метафорические топонимы, отражающие проявление образного народного видения географических реалий при их номинации. Истоки образности хантыйских топонимов связаны прежде всего с традиционной культурой ханты.

5. В топонимии Казыма широко и многогранно отражается духовная культура хантыйского народа, его религиозно-мифологические представления. В составе хантыйских топонимов, обозначающих священные или примечательные места, упоминаются духи всех категорий – от всеобщих до местных, включая хозяев лесных угодий, и некоторые другие сверхъестественные существа. Мифологические и фольклорные сюжеты, привязанные к конкретным географическим объектам, играют системообразующую роль в создании традиционной картины мира казымских ханты и в организации топонимического пространства на исследуемой территории.

6. Топонимия бассейна реки Казым является источником ценнейшей информации не только о ханты, но и о других этносах региона. В их числе лесные ненцы – коренные жители верховьев Казыма, а также коми, манси и русские. В топонимии ярко и отчетливо проявляются результаты длительного хантыйско-ненецкого, хантыйско-коми, хантыйско-мансийского и хантыйско-русского взаимодействия.

7. Усиливающееся в современных условиях хантыйско-русское взаимодействие приводит к наибольшим изменениям в топонимической системе исследуемого региона: в адаптированных русским языком формах хантыйские топонимы укореняются в официальном употреблении и на картах, все чаще возникают собственно русские топонимы, которые создаются как русским, так и хантыйским населением.

8. Из двух с половиной тысяч проанализированных казымских названий лишь около тридцати являются неясными по происхождению или содержат отдельные неясные компоненты. В ряде случаев это лек-

семь, забытые или деэтимологизированные в хантыйском языке, или подвергшиеся переработке вследствие русской адаптации. Другие топонимы или их компоненты, не поддающиеся интерпретации на хантыйской почве, имеют ненецкое, коми, мансийское, русское происхождение. Составляющие очень немногочисленную группу названий субстратные топонимы (или компоненты) требуют дальнейшего изучения. Одним из возможных их источников является северносамодийский.

Теоретическое значение диссертации. Комплексный анализ впервые вводимого в научный оборот материала по топонимии одного из регионов традиционного проживания ханты и ненцев является вкладом в региональную и общую топонимастику. Выводы и наблюдения, полученные в работе, могут использоваться при решении проблем общего, финно-угорского и сопоставительного языкознания, этимологии и ономастики, этнолингвистики и этнологии, для изучения истории и диалектологии хантыйского и ненецкого языков, для углубления научных изысканий по истории, этнографии, фольклору народов Севера.

Практическая ценность. Впервые вводимый в научный оборот обширный фактический материал и результаты, полученные в ходе его изучения, могут быть использованы широким кругом специалистов: лингвистами, историками, этнологами, фольклористами, краеведами и работниками учреждений культуры; их применение будет полезно в учебном процессе вузов (при подготовке общих и специальных курсов, при написании курсовых и дипломных работ, что уже реализуется на кафедре русского языка и общего языкознания УрГУ), а также в школьном преподавании. Использование материалов и основных выводов исследования поможет специалистам всех направлений при дальнейшем изучении топонимии Западной Сибири, в том числе многоконтактных территорий традиционного проживания ханты, ненцев, коми. Представленные в работе новые данные по хантыйской лексике могут быть учтены при подготовке и издании словарей хантыйского языка.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского университета (декабрь 2005 г.). Основные положения работы были изложены автором в 36 докладах, в том числе на VII, VIII и X Международных конгрессах финно-угроведов в Венгрии (Дебрецен, 1990), Финляндии (Ювяскюля, 1995), России (Йошкар-Ола, 2005), на 13 международных, одной Всероссийской, 12 региональных и пр. научных конференциях и симпозиумах в Екатеринбурге, Йошкар-Оле, Санкт-Петербурге, Сургуте, Сыктывкаре, Томске, Челябинске, Ханты-Мансийске и др. По теме диссертации опубликовано 54 работы, в том числе монография «Топонимия бассейна реки Казым» (Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005).

Структура и объем работы. Структура работы соответствует задачам и особенностям предмета исследования. Диссертация содержит предисловие, пять разделов основной части (первый из них носит вводный характер, остальные посвящены непосредственно анализу топонимического материала), заключение, список принятых сокращений, список источников (карты, архивные документы), список использованной литературы и приложение, в котором представлены: 1) карта священных и примечательных мест казымских ханты (с описанием); 2) список информантов. Общий объем диссертации составляет 847 с., из них 757 с. составляет основной текст.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

В **Предисловии** обоснована актуальность исследования, определяется его цель и задачи, характеризуются источники материала, отмечается научная новизна, теоретическое и практическое значение выполненной работы.

Первый раздел диссертации представляет собой обширное **Введение**, в котором рассматривается целый ряд необходимых вводных вопросов, предваряющих непосредственный анализ топонимического материала: 1. Физико-географическая характеристика бассейна реки Казым; 2. Краткий очерк истории Казымского края. Этническая ситуация в регионе; 3. История изучения бассейна Казыма и источники сведений о топонимии региона; 4. Краткий обзор литературы по топонимии ханты и ненцев; 5. Транскрипция и транслитерация хантыйских топонимов; 6. Особенности казымского диалекта и его говоров, представленные в топонимии.

Во втором разделе – «**Структура хантыйских топонимов**» – дается характеристика компонентного состава хантыйских топонимов Казыма, их структурных типов и моделей; здесь же выявляются и анализируются эллиптированные топонимы, комплексы топонимов, части речи в составе топонимов.

Изучение структуры хантыйских топонимов (вслед за Л. И. Калининой [1962] и Р. Радомски [1969, 1970]), собранных в Казымском регионе, позволяет на основе обширного, не рассматривавшегося ранее языкового материала проиллюстрировать общие закономерности их построения и выявить специфические местные элементы.

Как и топонимы других финно-угорских языков агглютинативно-суффиксального типа, хантыйские географические названия в подавляющем большинстве представляют собой сложные (составные) имена, состоящие чаще всего из двух, трех, реже – четырех, пяти, шести компонентов. В хантыйской топонимии Казыма преобладают 3-х компонентные топонимы: по нашим материалам, это более 44 % от общего числа зафиксированных названий. Число двухкомпонентных топонимов также велико: более 33 %. Определяемая часть топонима (*детерминант*) всегда выражена

существительным. В определяющей (*атрибутивной*) части топонима представлены главным образом существительные и прилагательные, реже причастия, числительные, послелого, в единичных случаях – местоимения, наречия. Ср.: *wDnt sđjštm* (сущ.+сущ.) «Лесной ручей», *wasalʼ ?dg* (прил. (имя обладания)+сущ.) «Утиное озеро», *kasštm t#jʼ ?dg* (сущ.+сущ.+сущ.) «Озеро вершины Казыма», *wDn NDgštm jPxa<* (прил.+сущ.+сущ.) «Большая Болотная река», *xbw wasʼ ?dg* (прил.+прил.+сущ.) «Длинное узкое озеро»; *aj wđjʼ ?dNəti sđjštm* (прил+сущ.+прич.+сущ.) «Ручей, (у которого) стоит маленький зверь (т.е. лось)», *xD wDAštmʼ ?dg* (сущ.+прич.+сущ.) «Озеро, (у которого) человек потерялся», *sdt s#kʼ ?dg* (числ.+сущ.+сущ.) «Озеро ста черных уток», *kčt kal kbt jdx štm* (числ.+сущ.+сущ. (в знач. послелога)+сущ.) «Бор между двух болот»; *mPʼti wDʼtiʼ ?dg* (местоим.+прич.+сущ.) «Озеро, (где) что-то есть», *xDʼ #ʼri wDʼgi* (сущ.+послелог+сущ.) «Старица под ёлками».

Нередко на Казыме наблюдается широко распространенное в финно-угорской топонимии явление эллипсиса: утрата детерминанта, указывающего на тип называемого объекта, либо утрата номенклатурного термина производящего топонима, либо утрата атрибутивного компонента. Ср.: *aj xč sčʼxštm kDrt* «Селение у Маленького чистого яра» → *aj xč sčʼxštm; x#Ašʼ jdxštm kDrt* «Селение у Песчаного бора» → *x#Ašʼ kDrt; tDgštmʼ ?dg wDA* «Селение (букв. ‘город’) у Небесного озера» → *?dg wDA, = d. Нумто*.

Характерными для хантыйской топонимии Казыма являются блоки, или комплексы географических имен, объединенных главным производящим топонимом. Ср.: *xDnti wDʼgi* «Илистая старица» → *xDnti wDʼgi jdxštm* «Бор Иистой старицы» → *xDnti wDʼgi jdxštm kDrt* «Селение у Бора Иистой старицы». Комплексы топонимов, маркируя территориально соотнесенные объекты, служат системообразующим фактором и помогают пространственной ориентации. В целом свойственные топонимии финно-угорских народов, они могут расцениваться как результат влияния грамматического агглютинативного строя на структурно-словообразовательные свойства географических имен и как одно из средств формирования языковой картины мира.

Третий раздел – «Детерминанты сложных топонимов: семантика и функционирование» – посвящен исследованию определяемых компонентов хантыйских топонимов. Изучение семантики детерминантов позволяет получить представление о географических особенностях местности, разновидностях ландшафта края, а также о типах поселений и некоторых других объектах, связанных с деятельностью человека.

В хантыйской топонимии Казыма нами выявлено 64 детерминанта. Из них основную массу (55) составляют термины, обозначающие *природные объекты*. Большая часть детерминантов этой группы (33) – наименования *водных объектов* (река, ручей, протока; озеро, старица; бо-

лото и его части). Это является закономерным отражением важнейших физико-географических особенностей местности на территории бассейна Казыма и свидетельствует о приоритетном значении водных объектов для жизни ханты. Характерная для хантыйского языка конкретизация и детализация географической (прежде всего гидрографической) терминологии, используемой для обозначения природных объектов, имеющих большое значение в хозяйственной жизни населения, ярко проявляется и на Казыме. Менее многочисленны (их 22) лексемы, называющие *положительные формы рельефа и ландшафта* (мыс, перешеек, холм, остров леса, лес и т.п.) и прочие особенности местности. В целом обилие географических терминов в хантыйском языке можно объяснить не только спецификой ландшафта, но и – как говорит Г. М. Керт [1995] о саамах – проявлением менталитета аборигенного населения, его топонимного (языкового) сознания.

Число детерминантов, обозначающих *культурные объекты* (типы поселений, место жилья; другие реалии, непосредственно связанные с промысловой и хозяйственной деятельностью человека), в составе хантыйских топонимов невелико (9).

Термины, имеющие близкие значения, но называющие разные виды географических объектов, иногда выступают как детерминанты в составе вариантов названий для *одного и того же* объекта. Таким образом возникают синонимические ряды детерминантов: jПха< – aj jПха<; jПха< – sdjшт; w#s – aj jПха< – sdjшт ('река, ручей'); ?дг – mч?щ\ ('озеро') и др.

Степень употребительности географических терминов в хантыйской топонимии Казыма в роли детерминантов различна. Самыми частотными (500–300 топонимов) оказываются детерминанты ?дг 'озеро, сор', sdjшт 'ручей' и кДрт 'селение'. Достаточно широко употребительны (перечисляются в порядке убывания: 170–50 топонимов) jПха< 'река', jдхшт 'бор', wДгi 'старица, озеро', aj jПха< 'ручей', букв. 'маленькая река', sч\шт 'яр, высокий берег', kal 'болото'.

Другие детерминанты встречаются значительно реже. Среди них более 30 фиксаций имеют только mч?щ\ 'озеро' и paj 'гора, холм, остров'; менее 30 – w#s 'проток, ручей', jдхарт 'развилка, ручей' рДхшт 'остров', NДгшт 'болото, тундра', дв 'устье', НП? 'мыс', wбг 'лес, грива леса', Пх 'залив', mбwi 'поворот', mПхшт 'небольшая протока', рПs? 'протока', pa< ('рыболовный) песок'.

От 10 до 5 фиксаций у детерминантов wдА 'город, «городок»', as '(большая) река', -jПх 'речка, приток', xДг 'болото', sПrt 'перешеек', хдт 'дом', jдА 'дорога', хчг 'место', xПг₁ 'плёсо', wбs 'проток, ручей'.

В фиксациях менее 5 представлены многочисленные термины, с помощью которых в наибольшей степени осуществляется номинативная детали-

зация топообъектов: jДг 'русло, ручей', хд\хщ?t 'овраг, русло, ручей', хбл 'старича, протока, русло', АДм 'протока, речка, залив', j#?ri 'живун', ?aw 'заводь', ?дхщт 'перекаг', хД\шт 'топкое болото', гбwa 'обрывистый берег', рчт, т#j, д?щ 'конец', рГ\щк 'сторона', Дхщт 'волок', wП? 'место бывшего жилища, селения' и др. В эту же группу попадает и термин wДт 'лес'.

Среди редких детерминантов (от 1 до 10 фиксаций) с учетом особенностей их функционирования можно выделить: уже вышедший из сферы апеллятивной лексики и «законсервированный» [Radomski 1970] только в составе топонимов термин jПх 'речка, приток' (подвергшийся народно-этимологической переработке в jдх 'народ'); выходящий из активного употребления термин awщт 'мыс'; употребляющиеся в составе фольклорных (сакральных) топонимов термины raw 'речка, живун', j#k 'вода'.

Вероятно, относительно новыми являются термины, возникшие на основе образного переосмысления хантыйских лексем, обозначающих негеографические реалии: ja\k, тдс 'палка, жердь, перекладина' → 'прямая протока, прямича'; wбс 'дыра' → 'проток, ручей' (также 'низина'); тбw sГм 'глаз земли' → 'живун', raw 'зубец орнамента' → 'гора, возвышенность'; НП? т#j 'кончик носа' → 'мыс'; j#t 'сустав, часть' → '(промысловый) участок'. Современным населением осознается внутренняя форма и у других, более употребительных терминов: дв 'дверь' → 'устье', НП? 'нос' → 'мыс', т#j 'конец, кончик' → 'вершина реки'.

Полевой сбор материала и привлечение письменных и картографических источников позволили расширить сведения о географической терминологии казымского диалекта, отраженной в топонимии¹. В частности, удалось выявить термины, известные в казымском и в других диалектах, но до сих пор не рассматривавшиеся в топонимической литературе. Это казым. хд\хщ?t 'овраг, русло, ручей', а также составной термин aj jПха< 'ручей', буквально 'маленькая река'. Также встречаются в топонимии термины хД\шт 'топкое болото' и xПг₂ 'просека (для перевеса)', отмеченные в DEWOS только как казымские.

В ряде случаев благодаря топонимии удалось дополнить имеющиеся лексикографические данные (представленные в DEWOS и в других источниках) новыми сведениями о казымской географической лексике:

– Выявлены казымские соответствия терминам других диалектов: НП? т#j 'мыс', букв. 'кончик носа', wдА raj (букв. 'холм городка', или 'гора с городком') – это 'городок, холм, возвышенность с остатками старого поселения', 'остаток старой земляной крепости', 'городище'. Термин wдА raj в казымском диалекте также имеет значение 'гора, место обитания лесных богов' – место их "городка" или "избушки", где не было поселения человека.

¹ Р. Радомски, основываясь на материале письменных источников, рассматривает 44 детерминанта в составе топонимов разных территорий проживания ханты, и среди них приводит только 13 казымских лексем [Radomski 1969].

– Расширены сведения о семантике терминов: хЫ1 ‘старица, протока, русло’; raw ‘речка’, ‘живун’, ‘рыболовный запор’; sП1т ‘перемычка, перешеек, небольшой узкий участок земли на болоте, в лесу, в тундре – между речками, озерами, борами, болотами, между рекой и озером’; у термина awщт, по-видимому, первоначально обозначавшего в хантыйском языке ‘высокий мыс с укрепленным поселением’, в современном казымском диалекте выявляются значения ‘область, территория’, ‘священное место’ (на высоком берегу), слово встречается и в фольклорных названиях мест.

– Обнаружены термины, не зафиксированные в словарях: w#s ‘проток, ручей’ (заимств. из языка коми); wbs в значении ‘проток, ручей’, также ‘низина’; ja’k в значении ‘прямая протока’; raw в значении ‘гора’; хдт рај, букв. ‘бугор дома’ – ‘место, где был дом (землянка)’ или ‘гора, похожая на дом (чум)’, где, по представлениям ханты, обитают лесные боги (ср. аналогичный термин wдА рај).

Своеобразие казымской географической терминологии создается прежде всего за счет коми заимствований и образного переосмысления лексем, изначально не имевших географической семантики.

В четвертом разделе – «Атрибутивная часть топонимов: природа и человек в зеркале хантыйской топонимии Казыма» – представлен весь спектр семантики атрибутивов хантыйских топонимов исследуемого региона. Их семантика многогранна, но и универсальна: как в топонимии любого языка и любого региона, в хантыйских географических названиях можно найти информацию о физико-географических и экологических особенностях местности, о традиционных занятиях, быте, материальной и духовной культуре населения края, о его давней и недавней истории, о контактах с соседними народами.

Исследование атрибутивных компонентов проводится в работе на традиционной основе посредством распределения их по тематическим группам. Вместе с тем учитывается возможность классификации топонимического материала и по принципам номинации (мотивировочным признакам), в соответствии с которыми, вслед за Н. Б. Ковалевой [1971], выделяются три категории топонимов: характеризующие связь объекта с окружающими географическими объектами, отражающие номинацию географического объекта по его свойствам и качествам, представляющие номинацию объекта по связи с человеком и его деятельностью².

² Мы придерживаемся традиционных направлений в топонимической классификации, реализованных Л. И. Калининой [1962] и Р. Радомски [1969] при изучении хантыйской топонимии, а также в целом ряде других региональных топонимических исследований (А. А. Фомин, Т. В. Чернышова, Р. А. Агеева, Н. Н. Мамонтова, И. И. Муллонен, М. Н. Нечай, Е. Э. Иванова, О. В. Смирнов, А. Г. Мусанов, Д. В. Кузьмин). Но уже предложены новые подходы к классификации топонимов в топонимической системе (Л. М. Дмитриева).

Сведения о мотивировках большинства рассматриваемых топонимов, полученные в полевых условиях, позволяют с максимальной достоверностью не только показать семантику исходных лексем – компонентов, представленных в атрибутивной части топонимов, но и выявить причины возникновения конкретных названий, особенности мотивации хантыйских топонимов, общее и специфическое в хантыйской топонимии как в интереснейшем источнике языковой, этно- и историко-культурной информации. Структура этого раздела отражает семантическое разнообразие анализируемых атрибутивов.

В первой части раздела выявляется *физико-географическая и экологическая характеристика местности*, в том числе представлены: 1. Сведения о природных объектах; 2. Сведения о свойствах и качествах природных объектов.

1. Сведения о природных объектах.

Информация о природных объектах содержится в значительной части хантыйских топонимов Казыма и передается посредством соответствующих терминов, характеризующих: А) ландшафт местности (номинативный признак – *по связи с другим объектом*) и Б) относительное местоположение называемых объектов (номинативный признак – *по расположению одного объекта относительно другого*).

А. Ландшафт. Физико-географические особенности территории региона отражаются преимущественно в локативных топонимах с помощью ландшафтной терминологии. Рассмотренные в предыдущем разделе *географические термины*, выступающие в качестве детерминантов, в большинстве своем представлены и как атрибутивы. Ряд терминов выявлен только в атрибутивной части топонимов.

Географические термины-атрибутивы ориентируют называемый объект относительно соседнего природного объекта или характеризуют называемый объект по какому-либо географическому признаку. Нередко географический термин употребляется вместо соответствующего топонима, так как в каждом конкретном случае известно, о какой реке, каком озере или болоте идет речь.

В атрибутивной части производных хантыйских топонимов Казыма нами выявлен 41 ландшафтный географический термин³. Многие из них (29) *представлены и в качестве детерминантов*. Наиболее час-

³ Р. Радомски, описывая атрибутивные компоненты хантыйских топонимов, наряду с географическими терминами других хантыйских диалектов рассматривает 5 казымских лексем: jПха< 'река', сдјшт 'ручей', ?дг 'озеро...', рДхщ 'остров', гГр 'гора'; в ряде случаев (10 лексем) ею представлены не казымские термины, а их соответствия из других диалектов [Radomski 1969].

тотными атрибутивными компонентами, называющими, очевидно, наиболее важные для ориентировки географические реалии, оказались рај (свыше 50 топонимов), ?дг ‘озеро’ (28), kal (27), хДг (20), НДгшм (17) ‘болото’ (разные виды), sПгт ‘перемычка’ (19).

Не зафиксированными в атрибутивной функции в наших материалах оказались известные как детерминанты – по большей части в наименованиях гидрообъектов – лексемы as ‘большая река’, -jПх ‘речка, приток’, jДг ‘русло, ручей’, хд\хщ?t ‘ручей (овраг, русло)’, jaк, тдс ‘прямая протока, прямца’, хбі ‘старица (протока, русло)’, ?дхгшм ‘перекат’, ?aw ‘заводь’, хДшт ‘трясина’, хПг₁ ‘плесо’ (как и хПг₂ ‘просека’), хчг ‘место’, j#t ‘участок’. За исключением термина as, широко известного как самостоятельный топоним, обозначающий реку Обь, почти все остальные встречаются в единичных фиксациях в составе микропонимов.

Географические лексемы (12), встретившиеся **только в качестве атрибутивных компонентов**, – кчАas ‘залив’ (букв. ‘карман’); s#wt ‘залив’, jекшг ‘предболотье’, jекгas ‘местность с предболотьем’; ?Дс ‘травянистое, заболоченное место с кочками’; m#si ‘кочка’; хДі ‘трясина’; lдт ‘яма’; wбс в значении ‘низина’ (букв. ‘дыра’); ja<щк ‘трива (возвышенность с лесом)’; kГгas ‘каменистая гора’; гГр ‘гора, горка’. Как и в предыдущей группе, это термины, представленные в микропонимах, обозначающие, как правило, незначительные по величине объекты, за исключением jекшг и jекгas.

Специфическими казымскими терминами среди них являются те же jекшг и jекгas, а также kГгas (заимствованные из языка коми), а кроме того – кчАas (тоже из коми) и wбс в переносных, первоначально им не свойственных географических значениях.

Изучение семантики атрибутивов хантыйских топонимов Казыма дает возможность получить дополнительную информацию о составе географической лексики казымского диалекта, функционирующей в топонимии, и наряду с широко употребительными лексемами выявить редкие термины, мало известные современному населению, – например, такие, как ja<щк или ?Дс, или не отмеченный в словарях казымский географический термин s#wt.

Б. Характеристика относительного местоположения объектов

Пространственные отношения, универсальность которых проявляется в любой топонимической системе, в хантыйской топонимии реализованы не только через ориентацию называемого объекта по известному смежному природному объекту, непосредственно упоминаемому в названии. Они проявляются также и через характеристику *относительного местоположения* называемого объекта: ниже или выше по течению – Пшщс ‘северный, нижний по течению реки’, пбм ‘южный, верхний по

течению реки’, wбt ‘верхний (по течению реки)’ или ‘дальний’; справа или слева – k#m рГшк ‘наружная сторона’ или ‘правая сторона’, рчгта (рчгті, рчгт) ‘обратный’, ‘левый’; с другой стороны – ра рГшк ‘другая сторона’; около – хдшц\п ‘у, около, близ, вблизи’ (послелог), хПШц\ ‘сторона’, рб\щ? ‘бок, сторона’, ?ч\кшг ‘плечо’, kбг ‘нога’; под (по отношению к возвышенному месту) – #?рі ‘под’ (послелог); сзади – АчА букв. ‘спина’; напротив смежного объекта – NД? ‘вместе’ + jeSa’t ‘напротив’; между двух смежных объектов – kбt букв. ‘промежуток, расстояние’; у вершины – t#j ‘вершина’ или у устья – дв ‘устье’ (букв. ‘дверь’); в конце – д?щ\ ‘конец’ (или ‘начало’), ‘край’, рчті, рчт букв. ‘дно, основание’, р#шг ‘край’; в середине объекта-ориентира – kбt ‘промежуток’ > ‘середина’ (> kбtшр, kбt?шр ‘середина’, ‘центр’), счт букв. ‘сердце’ > ‘середина’, также в функции послелога ‘среди, между’; в ряду однородных объектов – д?щ\ ‘начало’, ‘конец’ > ‘первый’, k#mit ‘второй’, wetmit ‘пятый’, kбtшр, kбt?шр (редко kбt) ‘средний’, рчті (> рчт) ‘дно, конец’ > ‘крайний, конечный, последний’.

Как показывает казымский материал, в локативных топонимах наиболее типична привязка к вершине или устью реки, к концу или середине смежного объекта, из пространственных признаков наиболее существенными оказываются ‘средний’ и ‘последний’. Языковыми средствами передачи относительного местоположения географических объектов являются пространственные послелого, а также ряд существительных в функции послелога, при этом примечательно образное употребление в качестве определений и в функции пространственных послелогов имен существительных, обозначающих части тела.

Иногда, если речь идет о гидронимах, характеристика относительного расположения объектов на местности может быть реализована через указание на объект, к которому или сквозь который *направлено движение* реки или протоки. Такое указание на смежный объект возможно в хантыйском языке при использовании в составе топонимов глагольных форм – причастий. Так, значение ‘идуший к...’ передается с помощью имени существительного (географический термин или топоним) в форме дательного-направительного падежа + причастие наст. вр. от глагола тчntі ‘идти’. Ср.: jewщ\ ?дра тчntі aj jПХа< «Маленькая река, идущая к Окуневому озеру». Примечательно, что в подобных топонимах указывается направление движения против течения реки – от устья к верховью. Эта особенность восприятия движения реки не от вершины к устью, а наоборот, проявляется у ханты не только в топонимии. В беседах с хантыйскими рыбаками, охотниками, оленеводами, мы постоянно замечали именно такую их ориентировку на местности. Происхождение таких представлений, вероятно, восходит к истории освоения рек: обычно реки

осваиваются от устья к верховью, что характерно для разных народов и отражается в их топонимических системах.

Существование многих поколений ханты в условиях тайги и тундры выработало у них феноменальную способность ориентировки на местности и прекрасного знания топонимии на значительных пространствах. Освоенность ханты-оленеводами, рыбаками и охотниками обширной по площади территории региона проявляется в том числе и в детализации пространственных характеристик в хантыйской топонимии.

2. Сведения о свойствах и качествах природных объектов

Еще одна ономазиологическая универсалия – номинация *по свойствам и качествам называемых объектов* реализуется в их качественной характеристике, передающейся посредством лексики, содержащей разнообразную информацию А) о внешних и внутренних признаках географических реалий, об особенностях Б) растительного и В) животного мира данной местности.

А. Свойства и качества самих объектов

Квалитативные характеристики в хантыйской топонимии разнообразны и представлены очень широко. Самыми частотными из них оказываются ај ‘маленький’ (192 топонима) и wДп ‘большой’ (168). Остальные атрибутивы отмечены значительно реже: по степени убывания – сдгщт ‘сухой (мелкий)’ (35), waS ‘узкий’ (29) х#А ‘песчаный’ (27), pa? ‘высокий’ (21), Nar ‘сырой (не горелый)’ (18), хчг ‘чистый (открытый)’ (16) и ‘редкий’ (7), nПwi ‘белый’ (15), kew ‘каменный, каменистый’ (14, + 2 ‘камень’), р#ti ‘черный’ (10), t6t ?ewщт (t6t ?ejщт), t6tщ\ ‘горелый’ (9), х6w ‘длинный’ (9), тч? ‘глубокий’ (8), wan ‘короткий’ (6), атщт ‘плохой’ (4) и т.д. Все эти признаки универсальны [Ср.: Муллонен 1984; Кузьмин 2003].

Особо отметим определения, характеризующие *особенности почвы*: здесь на первом месте – ‘песчаный’ (42, в том числе х#А – 27, рап – 11, sej – 3).

В 17 топонимах в атрибутивной части упоминается слово j#k ‘вода’ с соответствующим определением.

В характеристиках *формы объекта* (21 топоним) количественно почти равны опосредованные (11) и прямые номинации (10). В основе образности хантыйских топонимов чаще лежат ассоциации с предметами материальной культуры: кчАас ‘карман’ (> ‘залив’), tПхщт ‘распорка (перекладина) в лодке’ (> ‘прямая протока’), pПр?i wej ‘рукоятка пешни’, SПхгi ‘узкий нож’, j#nti ‘тетива (лука)’, р6t ‘котёл’, Дпri ‘ковшик’, kenas ‘берестяная бочка’, к6Ащт ‘берестяной сосуд’; даже такая реалья как raw ‘зубец орнамента’ (> ‘возвышенность’) находит отражение в топонимии. Примеры антропо- и зооморфизма единичны: Пх ‘голова’, wГА ‘лицо’, sap (sap sIrt) ‘шея (перешеек)’, тдг sapщ? ‘журавлиная шея’, d\щт ‘рог’, sГm ‘глаз’, pelki ‘белка’ (вместо ‘хвост белки’) [также ср. рассмотренные выше лексемы,

означающие ‘нога’ и ‘плечо’]. Особый случай представляет отражающая форму объекта (болота) номинативная модель ‘луна, месяц’ – #?щS.

Образные, метафорические названия (например, *ИХуцт св\хшм* «Распорка (перекладина) в лодке-яр», #nti ?дг «Тетива-озеро», *kenas sдшм* «Берестяная бочка-ручей», *Nar wГпАщр св\хшм* «Яр с голым (чистым) лицом») составляют специфику казымской топонимии. Такие имена выявляют особенности образного народного видения и характерны для топонимических систем народов, сохраняющих черты традиционного образа жизни.

Из *цветовых* характеристик природных объектов выявлено 5: ‘белый’ *nГwi* (15), ‘черный’ *p#ti* (10), ‘красный’ *wбrti* (2), ‘ржавый’ *ND?* (1), ‘пестрый’ *хч<Аа* (1). Первые три из названных признаков входят в ряд общеязыковых универсалий [Муллонен 1994]. Как свидетельствует хантыйский материал, в топонимии признак цвета (цвет воды) выделяется чаще у гидрообъектов и обычно не несет иной смысловой нагрузки. Исключением является ‘красный’ в топониме *wбrti rap* «Красный песок» (т.е. ‘коммунистический’). Определение ‘пестрый’ в топониме *wп хч<Аа* *јдхшм ?дг* «Озеро короткого пестрого (или ‘узорчатого») бора» – либо реальная цветовая характеристика, основанная на зрительном восприятии объекта (пояснение информанта), либо это табуированное указание на обнаруженный медвежий след.

Среди рассмотренных атрибутивных компонентов хантыйских топонимов, дающих информацию о свойствах и качествах природных объектов, наряду с общеизвестной лексикой выявлены лексемы, не зафиксированные в словарях хантыйского языка или отмеченные в других значениях. В их числе: *Nчl* ‘мелкий’ – уже не употребляющееся, но сохранившееся в топонимии неизменяемое прилагательное (в современном языке известна суффиксальная форма *нялас*); *хДnti* ‘ил, няша’ > ‘илистый’; *mГ<l* ‘изгиб’ > ‘изогнутый’; *mda* ‘голый’; *wбs* (букв. ‘дыра’, > имя облад. *wбсщ*) – отмечено в топонимии не только как географический термин-детерминант в значении ‘ручей, проток’, но и как атрибутивный компонент: *wбs* ‘дыра’ > ‘ручей, проток’ > ‘проточный’ (об озере); кроме того, *wбs* также ‘низина’; *kбlі* ‘скользящий, гладкий’ – в топонимии используется для характеристики легко и быстро проходимого места; *Nar* ‘сырой’ – в топонимии становится синонимом определения ‘не горелый’, которое противопоставляется признаку ‘горелый’ (*tбtш*, или *tбt ?ewшм* букв. ‘съеденный огнем’).

Б. Флора региона

Важное место среди хантыйских топонимов Казыма занимают названия, содержащие информацию о растительном мире края. В атрибутивной части топонимов представлены термины, обозначающие лес и

его разновидности, названия деревьев, кустарников и прочих растений, а также лексемы, характеризующие само дерево.

В хантыйской топонимии Казыма выявлено 35 лексем, связанных с информацией о растительном мире края. Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод о наиболее частотном в топонимии общем признаке 'лесной', реализуемом через термины wДnt (более 40 топонимов), wбг (19 топ.), jдхщт (25 топ.). Из названий конкретных деревьев чаще других встречается лиственница – паk (более 30 топ.) и береза – sбmщт (17), далее в порядке убывания: кедр – пдхщг jбх (14), сосна – wДnAi (10), ель – хД? (9, но есть еще хД?Ni 'ельник' – в 5 топонимах). Из прочих растений наиболее выделяются tПгб 'трава' (10 топ.) и wДА 'чага' (8), что связано с важностью их хозяйственного использования.

Наряду с известными лексемами, отмеченными в словарях, благодаря топонимии удалось выявить не зафиксированное для казымского диалекта название мха на озерах – АатщА.

Нельзя не отметить особое отношение ханты к лиственнице и березе как к священным деревьям, а также к мухомору, используемому в шаманских целях.

В. Фауна региона

Значительная часть топонимов содержит названия представителей животного мира: рыб, птиц, различных животных – обитателей воды, леса и тундры, многие из которых с глубокой древности имели промысловое значение для местного населения.

Кроме того, многие животные занимают свое место в религиозно-мифологических представлениях ханты и относятся к священным. В том числе, по представлениям ханты, родовые духи-предки, духи-охранители часто имеют облик животных. Так что в ряде случаев топонимы содержат указания на животное – родовой или семейный тотем. Поэтому в хантыйской топонимии представлены не только названия видов казымской фауны по зоологической классификации. Но при отсутствии дополнительной информации о топониме можно говорить лишь об использовании названий животных для номинации географических объектов.

Для наиболее важных промысловых животных существуют подставные названия – табу, входящие в особый язык охотников, в котором буквально всё, что связано с промыслом, называется иначе, не так, как в обычной речи. Отдельные лексемы из этого языка также находят отражение в топонимии.

Рыбы. Из 16 выявленных в топонимии названий рыб одно обозначает родовое понятие (хб? 'рыба'), два названия (wбгti хб? 'красная рыба' и Nчlщк 'мелкая рыба') могут относиться к нескольким видам, остальные 13 обозначают конкретные виды (sПгщх 'сырок', СПхщг 'що-

кур', р#Аjan 'пыжъян', сдгт 'щука' (она же – рГ\к хб? 'зубастая рыба' и mП?ti 'что-то'), ran-пГ 'налим', jew 'окунь', mewti 'язь', ke№Si (= н-казым. keS) 'сорoga', тч?ш\ хб? 'карась', букв. 'озерная рыба', Nчki 'ерш' (в-казым.), ?аг 'ерш' (ср-казым., н-казым.).

И. Н. Шухов отмечал в бассейне Казыма восемь видов ихтиологической фауны: это щука, язь, налим, нельма («встречается не часто»), сырок, ерш, окунь, сибирский елец [Шухов 1915]. Все названные рыбы, кроме нельмы, упоминаются в топонимии. По частотности фиксаций первые три места занимают щука (22: 20 'щука' + 1 'зубастая рыба' + 1 'что-то'), сырок (16) и ерш (15).

По наблюдению Р. Радомски, хантыйские гидронимы с компонентом 'рыба' или 'вид рыбы' составляют самую большую группу среди топонимов, содержащих названия животных [Radomski 1969]. Хантыйская топонимия Казыма подтверждает эту закономерность.

Птицы. На основе имеющихся в нашем распоряжении материалов в составе хантыйских топонимов Казыма выявлено 20 названий птиц. Это крупные хищные птицы – кбгшк 'орел' ('беркут?'), кагшА вид орла: 'орлан-белохвост' (или 'беркут'); хДшх 'ворон'; боровая дичь – l6k 'глухарь', wa\ru\ ('старый?) глухарь', kbturi 'тетерев', рчstek 'рябчик'; водоплавающие – хПтш\ 'лебедь', ?Днт 'гусь', wasi 'утка', s#k вид утки: 'черная утка', тдхтш\ 'гагара', lДi вид гагары: 'маленькая гагара (поганка?)'; другие птицы – рдјtek 'куропатка', хчјшр 'кулик', Тдw-Тдw вид кулика, хчlew вид чайки: 'халей', тдг 'журавль', lчS 'перепел(ка)' или 'выпь', кДк-кДк 'кукушка', saw (из saw-ne) 'сорока'.

Наиболее частотны в топонимии названия уток – основного объекта охотничьего промысла (16, в том числе 9 'утка' + 7 'черная утка') и орла – особенно примечательной, наиболее крупной птицы (14, в том числе 12 'орел' + 2 'орлан-белохвост'); фиксации других названий птиц в топонимии единичны.

Большинство наименований обозначает реальных, обычных птиц. Из духов-покровителей, являющихся в птичьем облике, в топонимии представлены орел, ворон, рябчик и гагара. Ср.: кбгшк t#x?ш\ sдјшм «Ручей с гнездом орла», хДшх t#x?ш\ wДгi «Старица с гнездом ворона» (2 объекта), тдхтш\ t#xш? paj «Остров гнезда гагары» – в названиях упоминаются реальные птицы;

кбгшк #ki хдт «Дом Орла-мужчины» – святое место, где ханты поклоняются духу-охранителю рода Вандымовых, крылатому богу – орлу или орлану-белохвосту; хДшх #ki рДхшг «Остров Ворона-мужчины» – священное место полноватских ханты; рчstek paj «Остров Рябчика» – святое место ветляховских ханты, по представлениям которых рябчик являет облик их духа-покровителя; тдхтш\ t#xш? хдwі paj «Плавающий

остров гнезда гагары» – одно из священных мест, в названиях которых присутствует образное сравнение называемого объекта (острова в реке, на болоте) с гнездом гагары. Гагара – облик Хинь ики, одного из наиболее почитаемых духов, хозяина царства умерших, Нижнего мира.

Дикие животные. Из числа диких животных в хантыйской топонимии Казыма упоминаются пушные промысловые звери, крупные дикие звери и прочие (мелкие животные, пресмыкающиеся, насекомые).

Пушные промысловые звери: ІГршк ‘песец’, j#k wдж, ‘бобр’ (букв. ‘водяной зверь’), wПхсар ‘лиса’, ?aʔki ‘белка’, *pelki* ‘белка’ (заимств. из русск.), wДнтшг ‘выдра’.

Крупные дикие звери: лось, медведь, а также волк. Их названия специфичны и связаны с особым к ним отношением и с табуированным языком охотников. Нейтральное (“нормальное”) для современного языка упоминание о таком звере встречается в топонимии очень редко: в наших материалах лось и волк упоминаются по одному разу, медведь – дважды (и то в названиях смежных объектов). Но даже ставшие нейтральными их названия первоначально были табуированными: они создавались на основе иносказаний на собственно хантыйской основе или посредством заимствований. Ср.: kбгц\ wдж ‘лось, (букв. ‘зверь с ногами’); рПІrti wдж ‘волк’ (букв. ‘кусающий зверь’); рбрі ‘медведь’ – заимств. из языка коми, ср.: коми *buba* ‘пугало’ [DEWOS 1194–1195], *буба* детск. ‘бука’ [КЭСК 41]. Другое известное название медведя – тджршг, из коми таиб2г ‘счастливыи, благополучный’ [DEWOS 896] – в топонимии не отмечено.

Вместе с тем в языке охотников и лось, и медведь обозначаются словом wдж ‘животное, зверь’, что находит отражение в топонимии.

Лось. Лексема wдж в значении ‘лось’ (точно или предположительно) – зафиксирована в названиях 12 объектов. Ср.: wдж ?awшʔti xПг «Плѣсо, (у которого) ждут (караулят) зверя», wдж xДхʔшт ?дг «Озеро, (у которого) бегал зверь», wджшт kal сдјшт ?дг «Озеро ручья у болота зверей». Лось пользуется у обских угров особым уважением и почитанием. Известно, что у некоторых групп ханты и манси он занимал равное положение с медведем. Значение лоса в жизни и мировоззрении ханты, как и других народов Сибири, было чрезвычайно велико.

Медведь. Лексема wдж как обозначение медведя выявлена в двух топонимах, где упоминается медвежья берлога – wдж хдт, букв. ‘дом зверя’: wдж хдтш\ aj jПха< «Маленькая река с домом зверя»; wдж хдтц\ wДгі «Старица с домом зверя». Медведь, как и лось, занимает особое место в мифологических представлениях, верованиях, обрядах, изобразительном искусстве ханты и манси. Этот яркий феномен обско-угорской культуры, привлекавший внимание целого ряда отечественных и зарубежных исследователей в XIX–XX вв. (Н. Л. Гондатти, Н. Харузин, А.

Каннисто, К. Карьялайнен, В. Н. Чернецов, З. П. Соколова, В. М. Кулемзин, Е. Шмидт, Н. В. Лукина, Т. А. Молданова, Т. А. Молданов и др.), продолжает быть предметом изучения и в наши дни. Культ медведя – одна из характерных черт мировоззрения северных обских угров – существует на Казыме и теперь. У казымских ханты хорошо сохранились традиции проведения «медвежьих плясок» – игрищ в честь добытого медведя-зверя и сына Торума.

Во время охоты на медведя, на «медвежьих плясках» и в других ситуациях, связанных с медведем, даже при его упоминании, ханты используют особый «медвежий язык», называя самого медведя и всё, что имеет к нему отношение, иноказательно – подставными словами. Изучению «медвежьего языка» обских угров посвящены специальные исследования [Steinitz 1967; Bakró-Nagy 1979], в нем насчитывают около 500 слов. Этимологии слов этой специфической лексики приводятся в DEWOS. Наши полевые материалы являются подтверждением уже известных фактов и добавляют некоторые новые штрихи к «портрету» медведя в хантыйских представлениях о нем. Связанными с медведем и «медвежьим языком» оказываются казымские топонимы: 1) хчпАi сдјщп. Буквально «Ручей узора», в действительности «Ручей медвежьего следа», так как словом хчпАi охотники называют след медведя. Название wаn хч<Аа\ јдхщп ?дг «Озеро короткого пестрого (или «узорчатого») бора» может быть также переведено как «Озеро бора с коротким медвежьим следом». 2) Аак сдјщп «Ручей медвежьей кости». Слово Аак (или Аа^{№щк}), – говорят ханты, – встречается в медвежьих песнях. По В. Штейницу, Аак в «медвежьем языке» казымских ханты означает ‘нежирное мясо медведя’, является метафорой и заимствовано из коми Хак ‘труха, гриб на дереве’ [DEWOS 246]. Учет специфической семантики слов «медвежьего языка» помогает правильно понять содержание хантыйских топонимов.

Из прочих представителей животного мира в топонимии Казыма в единичных фиксациях встречаются k6Sag ‘бурундук’, tПх?щ\ ?a\ki ‘летучая мышь’ или ‘белка-летяга’, mд\х ‘водяная крыса’, sПs? ‘ящерица’, павщг‘-пГ ‘лягушка’, букв. ‘прыгающая женщина’, хчА\а ‘муравей’, рГ?а ‘комар’. Из них специфическую, сакральную семантику несут летучая мышь и ящерица. Лягушка тоже может быть священной, но выявленный топоним с компонентом ‘лягушка’ обозначает обычное, не почитаемое место.

Как писал И. Н. Шухов, «из зверей, имеющих охотничье промысловое значение для населения р. Казыма, водятся здесь медведь, лисица, выдра, белка, колонок, горностай и заяц, из птиц – лебедь, гусь, утка, тетерев, глухарь, рябчик и куропатка» [Шухов 1915]. Рассмотренные топонимы, в составе которых упоминаются названия зверей и птиц, позволяют убедиться,

что в хантыйской топонимии Казыма из указанных промысловых птиц представлены все; из промысловых зверей не обнаружены в топонимии колонок, горностаи и заяц – очевидно, потому, что колонок встречается редко, горностаи считается священным животным; заяц, возможно, не упоминается также по причине его сакральности.

Внутренняя сущность животных, по верованиям обских угров, определяется двумя характеристиками – наличием у них душ, подобных человеческим, и тесной связью с миром духов. Место того или иного животного в религии хантов и манси зависит от его промыслового значения и от других причин – например, это могут быть размеры животного, его особо выдающаяся внешность, поведение, образ жизни.

Вторая часть четвертого раздела – «*Человек и его деятельность*». Здесь рассматриваются хантыйские топонимы, в которых реализуется также универсальная и широко представленная в топонимии Казыма номинация по связи называемого объекта с человеком.

Деятельность человека отражается (прямо и опосредованно) в топонимии через лексику, называющую самого субъекта (нарицательная, апеллятивная лексика, также антропонимы и этнонимы) и лексику, связанную с хозяйственными занятиями местного населения, его материальной и духовной культурой.

1. Наименования жителей.

А. Апеллятивы. Они иллюстрируют употребление в составе хантыйских топонимов лексики, характеризующей человека по полу, возрасту, родственным отношениям, также называющей умершего человека. Характерно, что термины хД ‘мужчина’, #ki ‘мужчина’, #mi ‘женщина’, nГ ‘женщина’, рГх ‘мальчик, сын’, АДшт ‘умерший’ употребляются в топонимах как самостоятельно, так и в составе атрибутивных словосочетаний (апеллятивов или антропонимов), остальные лексемы, называющие человека, – ewi ‘девочка, девушка, дочь’, NawГm ‘ребенок’, jaj ‘старший брат’, бр ‘шурин’, хч?aS ‘умерший’ – только как самостоятельные атрибутивы.

Б. Антропонимы. В составе хантыйских географических названий Казыма антропонимы не многочисленны и представляют разнородный материал: русифицированные и заимствованные из русского языка имена и фамилии ханты; собственно хантыйские личные и родовые имена и прозвища; имена ненцев; фамилии русских. Как показывают полевые материалы, многие из современных казымских топонимов с антропонимическим компонентом возникли на памяти местных жителей и связаны с конкретными людьми. Лишь в немногих случаях не удалось получить дополнительной информации о них.

Имена ханты, заимствованные у русских. Из всего состава заимствованных русских имен, используемых у ханты и адаптированных в

соответствии с особенностями хантыйской фонетики, в топонимии Казыма встречаются лишь некоторые.

Мужские имена: ДрнаS – Афанасий, ДроNка – Афонька (деминутив от Афанасий), sakkar – Захар, jekor – Егор, kirila (kirla) – Кирилл, m#kДlка – Миколка, из Николка (демин. от Николай), vaNka – Ванька (демин. от Иван), m#kit – Никита, p#lip – Филипп, kДSt – Костя (демин. от Константин), santщr – Александр, wДntщr – Андрей, andrian – Андриан.

Женские имена: nasta – Настя, tatja – Татьяна, g#ta – Рита.

Прозвища ханты, включающие и их имена, заимствованные от русских: aj pГtr (aj pГtri) – Маленький Петр, rau: pПx – Сын Павла, НДгщm jПxa < vaSka – Васька с Болотной реки, sДгщm vaSka – Васька с (реки) Сорума.

Фамилии ханты. В ряде топонимов употребляются фамилии ханты, образованные от собственно хантыйских имен и прозвищ (личных, родовых, семейных), оформленные по модели русских фамилий флексиями **-ов (-ев), -ин**: alikow – Аликов, Дратin – Обатин, kaksin – Каксин, peskow (peskop) – Песков, sangin – Сангин, tДSin – Тузин.

В отдельных случаях в топонимии фиксируются фамилии ханты в их хантыйском варианте – в виде антропонимов, из которых фамилии образованы: ema№ > Эмалев, jДx?щ\ jдx > Юхлымов, xПлаN – Хулань > Хуланхов, wПxa№ > Вогалев (Воголев) и др.

Собственно хантыйские имена и прозвища. Это личные и родовые имена и прозвища, в большинстве своем называющие современных жителей или тех, память о которых сохраняется у местного населения; есть и легендарные имена, о носителях которых есть сказки и предания. Например: wdщr – Вовар, или Вовры, персонаж хантыйского фольклора, – по преданию, старший из семи сыновей первого хантыйского человека по имени Лосьми, когда-то переехавшего на Казым с Сосьвы; jдrla – Ёрла, родовое имя или прозвище казымских ханты братьев Тузиных, история появления которых на Казыме также связана с историей формирования этнической группы казымских ханты; pПtla ‘Затылок’ – мотивом для появления антропонима, как гласит предание, реальное событие: некогда этот ханты, проверяя рыболовный запор, упал и разбил затылок.

В топонимии Казыма представлена лишь небольшая часть хантыйских антропонимов. Они, безусловно, очень интересны в различных аспектах (типология, структура, семантика, принципы номинации, динамика населения и т. д.) и заслуживают целенаправленного сбора и специального изучения. Ни региональных, ни обобщающих отечественных работ по хантыйской антропонимии пока нет. Можно назвать лишь отдельные статьи и фрагмент монографии З. П. Соколовой [Соколова 1970; 1980; 1984; 1983: 123–144], представляющие собой начальный этап подхода к разработке этой темы. Из

зарубежных исследований есть основательная, выполненная на обширном материале письменных источников работа Петры Хауэль [Hauel 1994].

Что касается фамилий и родовых прозвищ, закрепившихся в топонимии, то они, будучи источником языковой информации, очень важны и как свидетельство этнической истории хантыйского народа, позволяющее проследить пути формирования этнических территориальных групп ханты, в том числе и живущих на Казыме [См.: Соколова 1975, 1979, 1984, 1986, 1987, 1993], и более полно представить их фамильный состав по сравнению с современным. В частности, в современных казымских топонимах вместе с широко известными и распространенными хантыйскими фамилиями продолжают еще сохраняться и такие, как **Сангин**, **Вогалев**, **Тузин**, носителей которых в наши дни уже не осталось.

Наряду с фамилиями ханты в хантыйских топонимах Казыма, как свидетельствуют наши полевые материалы, запечатлены две фамилии *русских*: **Типсин** и **Попов**, а также два *ненецких* антропонима – **Товкуна** и **Вэйку**. Все они связаны с конкретными людьми и служат подтверждением хантыйско-ненецких и хантыйско-русских контактов на территории региона.

2. Традиционная культура ханты.

А. Традиционные формы хозяйства и природопользования. Материальная культура

Топонимия бассейна реки Казым содержит ценные сведения о традиционной культуре коренного населения края, в том числе о хозяйстве и промыслах казымских ханты, которых А. А. Дунин-Горкавич [1904] называл «зверолово-рыболово-оленоводы». В хантыйской топонимии Казыма хорошо представлена лексика, отражающая основные занятия жителей как в наши дни, так и в прошлом. Некоторые из этих лексем называют реалии, хотя и известные местному населению, но ныне уже вышедшие из употребления.

В топонимах, отражающих связь с традиционными занятиями и материальной культурой ханты, представлена лексика различных тематических групп:

1. Рыболовство. 10 лексем: war, pП?, raw – виды рыболовных заповров, tПхц? – ‘невод’, рдс ‘рукав’ (вид ловушки на рыбу), NчА – ‘удочка’, sat – ‘садок для сохранения живой рыбы’; формы причастий от глаголов, обозначающих действия во время рыбной ловли: kчnAtи ‘промышлять (букв. ‘искать’) рыбу’, tПх?iti ‘неводить’, ta?ti ‘тянуть (невод)’.

2. Охота. 14 лексем: дS ‘приспособление (изгородь с установленным в ней луком) для охоты на лося или дикого оленя’, tДm ‘ловчая яма’, rawtГp, sГsi – виды слопцов, karti ‘капкан’, р#?t ‘перевес, сеть для ловли уток’, #mшт ‘подсадная утка’, jДхц? ‘лук’, j#ntи ‘тетива (лука)’, Nd? ‘стрела’, рПАкан ‘ружьё’, рПАкан хдт букв. ‘дом ружья’, ?дS хдт ‘снежный дом’, tб\к хдт букв. ‘дом из мха’ – виды охотничьих укрытий.

3. Оленеводство. 9 лексем: wб?i ‘олень’, хдг ‘бык-олень’, хдpti, ‘кастрированный олень’, рГАi ‘оленинок’; wб?i ?ant ‘олений мох, ягель’; wб?i Saxц ‘оленья пастбище’; s#w ‘ремень оленьей упряжи’, t#NSa\ ‘аркан’; №чti – звукоподражание, напоминающее стук оленьих копыт.

Местные названия являются источником ценной информации о реалиях этих отраслей хозяйства, о связанных с ними предметах материальной культуры, используемых в настоящее время, а также уходящих или уже ушедших в прошлое. К наиболее интересным относятся сведения о старинных способах и орудиях рыболовства и охоты. В частности, благодаря топонимии удалось восстановить не отмеченное в словарях казымское название ловчей ямы – tДm, выявить значение ‘рукав’ (рыболовная ловушка) – у казымского слова рдs, значение ‘давящая ловушка на медведя’ – у слова rawГр. Что касается оленеводства, то здесь важным оказывается не сам набор представленных лексем, а возможность использования топонимии для определения ареала распространения этого традиционного занятия на территории региона. Современные хантыйские топонимы Казыма (названия 25 объектов), содержащие сведения о занятии местных жителей оленеводством в относительно недавнем прошлом, встречаются практически по всему бассейну реки.

4. Домашние животные. Из домашних животных в хантыйской топонимии Казыма упоминаются собака (amp), кошка (kaN, кчTi), лошадь (?дw) и корова (m#s). Каждое из животных играет свою важную роль в хозяйственной жизни человека. Кроме того, эти животные (за исключением коровы) занимают особое место в религиозно-мифологических представлениях ханты. Упоминания кошки, лошади и коровы в топонимии Казыма единичны. В составе 21 топонима упоминается собака, – мотивировки этих топонимов, выявленные в полевых условиях, дают возможность дополнить многочисленные исторические и этнографические сведения о значении и функциях собаки у ханты и об особенностях отношения к ней.

5. Пути и средства передвижения. 17 лексем: дорога и смежные объекты: jДА, рчnt ‘дорога’, Neg’sa ‘дерево с затесами’, Дхцт ‘волок’, nГr? ‘мостик’, кч?тц\ ‘пристань’; средства передвижения и их части: Дхц? ‘нарта’, ToNТeg ‘доска нарты’; хдр ‘лодка’, рдj ‘борт лодки’, tПхцт ‘перекладина, распорка в лодке’, ?Др ‘весло’; сюда же мы включаем названия упряжки k#гma, деталей собачьей и оленьей упряжи lak ‘хомут’, s#w ‘ремень’; также wat ‘лыжное крепление’, д\шт sГm ‘маска для глаз’ (букв. ‘рог-глаз’). Названия некоторых из перечисленных реалий (‘борт лодки’, ‘распорка в лодке’, ‘упряжка’ и, возможно, даже ‘маска для глаз’) используются для создания образных, метафорических названий природных объектов.

6. Постройки, сооружения. В данной подгруппе наиболее представленной в атрибутивной части топонимов оказывается лексема хдт 'дом' – как в самостоятельном употреблении, так и в составе целого ряда производных терминов, обозначающих селение, жилые и хозяйственные постройки, а также место дома или возвышенность – «дом» лесных духов. Остальные названия построек (заимствованные из русского языка: ракгГр 'погреб', ?Прас 'лабаз', w#Ака 'вышка') встречаются в единичных фиксациях. Особый случай представляет лексема гГ\хщр 'качели', использованная для создания образного топонима гГ\хщр wбг «Качели-лес», – говорят, что этот лес «скрывается, шатается».

7. Лексика, связанная с бытом и домашним хозяйством. Наименования различных реалий и предметов материальной культуры, связанных с хозяйственной деятельностью человека и с повседневным бытом, также зафиксированы в топонимии. Здесь выделяются две категории топонимов: в одних представлены прямые номинации с указанием на конкретную реалию сферы быта, имеющую какое-либо отношение (чаще всего событийное) к называемому природному объекту, в других – номинации опосредованные, в которых название бытового предмета используется для образной передачи особенностей формы, размера, цвета и других признаков природного объекта. Прямые (событийные, ситуативные) номинации выявлены в топонимах с компонентами Пм'лщр 'прулубь', rat 'костер', rat хчг 'место костра, кострище', mчА 'колышек с развилкой', кДгг jбх 'дрова' (букв. 'печное дерево'), ?ајщт 'топор'; предположительно также јдптщс?бј 'напёрсток'; опосредованные номинации связаны с лексемами, обозначающими: 'рукоятка пещни' (рПг?i wej), 'узкий нож' (СПхгi), 'мешок' (х#г), 'ковшик' (Дмрi); как прямые, так и опосредованные номинации – 'топорище' (?ајщт wej), 'котёл' (рбt), 'ручка котла' (рбt пДг), 'берестяная бочка' (kenas), 'берестяной сосуд' (кбАщт).

8. Типы поселений обозначаются в хантыйской топонимии терминами wдА – 1) 'город', 'поселок', 'большое селение'; 2) '(старинный / легендарный городок)'; 3) в переносном значении – 'святое место', 'место обитания лесных духов'; кДгт – 'селение (деревня, юрты, изба); в значении 'селение' может употребляться и слово хдт 'дом'.

Ср.: 1) wбt wдА «Верхний городок» – селение по верхнему Казыму, = д. Юильск; 2) wдА НП? t#j «Городской мыс («кончик носа»)), или «Мыс с городком», или «Мыс у городка» – на прав. б. р. Амня, выше с. Казым, здесь археологами УрГУ обнаружено и исследовано городище – место укрепленного поселения VI–VII вв. н.э. [Морозов 1987–1992], эти места упоминаются в хантыйском фольклоре; 3) wДп wдА сдјщт «Большой ручей городка» и ај wдА сдјщт «Малый ручей городка» – в

низовье р. Казым; справа от устья первого ручья находится возвышенность – wdA, место обитания лесных богов (духов).

Производный термин wdA raj ‘холм городка’, ‘место городка’, ‘городище’, как правило, означает ‘святое место’, ‘место обитания лесных духов’. Ср.: wdA raj jdxшт «Бор холма городка» – на прав. б. р. Казым, в средн. теч., где тоже живут «лесные».

Термин кДрт, очень широко представленный как детерминант (см. выше), в атрибутивной части топонима встречается редко; он может заменять собой производящий топоним. Ср.: кДрт д?щ\ aj jПха< «Ручей («Маленькая река») у конца (края) селения» (3 объекта).

Встречающиеся в составе топонимов Казыма разнообразные лексические компоненты, обозначающие реалии, связанные с традиционным хозяйством и материальной культурой ханты, позволяют не только получить представление о хозяйственной деятельности населения региона, но и выявить черты его духовной культуры и особенности мировосприятия. В названиях, возникших на основе образных сравнений (в соотнесении географических объектов с бытовыми предметами, в том числе с различными сосудами, емкостями, орудиями труда, и даже с узором орнамента), отчетливо проявляется этнокультурная специфика хантыйской топонимии. Умение ориентироваться на значительных пространствах, способность увидеть весь называемый объект как бы сверху, с высоты птичьего полета, вызывают к жизни запоминающиеся топонимические образы.

Особенностью хантыйской топонимии являются и многочисленные событийные топонимы (хдг дщт sewштм sdштм «Ручей, где срубили рога быку-олену», #NSa\ sewштм kal «Болото, где плели аркан», l6k kat?штм sч\хштм «Яр, (у которого) поймали глухаря» и т.п.). Такие имена характерны для топонимических систем народов, сохраняющих черты традиционного образа жизни.

Необходимо обратить особое внимание на то, что в хантыйской топонимии **ярко проявляется неразделимая связь и единство материальной и духовной культуры народа ханты**. Одни и те же лексемы могут отражать реальные признаки называемого объекта и могут быть связанными с особенностями мировосприятия, с традиционным мировоззрением и с религиозно-мифологическими представлениями ханты. То же самое можно сказать и о реалиях природы – прежде всего когда речь идет о духах-охранителях в образе животных.

Б. Духовная культура. Религиозно-мифологические представления ханты

Духовная культура казымских ханты находит разнообразное и достаточно широкое отражение в топонимии, хотя в количественном отношении названия, связанные с духовной сферой, все же не настолько

многочисленны, как, например, топонимы, характеризующие физико-географические особенности местности.

Многие специфические черты традиционного мировоззрения ханты уже характеризовались в предыдущих разделах работы. В данном разделе мы коротко останавливаемся на типологии священных мест и уделяем особое внимание представленным в хантыйской топонимии лексическим компонентам, прямо или косвенно указывающим на святость или примечательность называемого места: это некоторые апеллятивы, а также имена духов-охранителей и других мифологических и фольклорных персонажей.

1. К типологии священных мест

К. Ф. Карьялайнен на рубеже XIX–XX вв. отмечал, что у остяков и вогулов обычным способом хранения местных духов является установка их изображений вне человеческого жилища – на священном месте, и указывал на бесчисленное множество священных мест и местных духов у этих народов [Карьялайнен 1922, 1995].

Классификация священных мест возможна на основе различных признаков: места жертвенные и не жертвенные, общественные и личные, связанные с духами всех рангов и со сверхъестественными существами, связанные с историческим прошлым, расположенные в определенных местах ландшафта, с культовыми постройками и без них и т. д. Типологические черты этих объектов почитания обских угров впервые были выделены К. Ф. Карьялайненом [1922, 1995], их характеризовали также В. М. Кулемзин и Н. В. Лукина [1977], О. Э. Балалаева [1999], З. П. Соколова [2000]. Принимая во внимание все эти характеристики, учитывая данные топонимии и существующие у ханты представления об иерархии сверхъестественных существ, а также разные по отношению к ним виды культовых действий, мы считаем возможной еще одну очень важную для понимания сущности явления классификацию священных и примечательных мест – *по степени их святости*.

В частности, казымские топонимы, называющие места, связанные с религиозно-мифологическими представлениями ханты, обозначают:

А. Культовые места общего поклонения наиболее почитаемым богам (духам-охранителям); также родовые и семейные места, связанные с «богатырями» – духами-предками. Сюда приходят специально для совершения кровавых и бескровных жертвоприношений. Обычно в таких местах есть культовые амбарчики (лабазы – “лопасы”) с изображениями местных духов.

Б. Культовые места, известные современному населению, но перешедшие в разряд бывших – это происходит при переносе амбарчика на другое место (по традиции, их периодически переставляли), но главным образом – под натиском инокультурного индустриального общества.

В. Святые, почитаемые места. Они могут быть связаны с духами-охранителями, но чаще это места обитания лесных духов, в том числе духов – хозяев промысловых угодий. Если ханты оказываются вблизи таких мест, всегда останавливаются, совершают бескровные жертвоприношения, оставляют какие-либо дары.

Г. Места не священные, но чем-либо примечательные, так или иначе связанные с религиозно-мифологическими представлениями ханты, с легендами и преданиями, что нередко отражается в названиях таких объектов.

Следует заметить, что сам топоним далеко не всегда несет информацию о сакральности называемого объекта, и только лишь сообщения местных жителей помогают установить это.

В ходе многолетней полевой работы на Казыме нам удалось зафиксировать около ста хантыйских названий священных и примечательных мест, хотя в действительности их, конечно, намного больше, и в силу специфики обозначаемых реалий объем собранной информации о них никогда не будет исчерпывающим.

Имеющиеся в нашем распоряжении казымские топонимы, связанные с религиозно-мифологическими представлениями ханты, мы попытались нанести на карту. В описании карты, приведенной в Приложении 1 диссертации, каждый из картографированных топонимов снабжен соответствующим индексом – **А, Б, В, Г.**

2. Компоненты топонимов, непосредственно указывающие на сакральность или примечательность называемого объекта

Непосредственная информация о сакральности объекта может передаваться в топониме с помощью соответствующего атрибутивного компонента – апеллятива или имени духа.

2.1. Апеллятивы

Специфическими компонентами в составе топонимов, обозначающих священные места, прежде всего являются лексемы, связанные с обозначением понятий ‘святой’ (‘запретный’, ‘табуированный’) и ‘жертвоприношение’: на Казыме это jГm, jГmщ\, nщц\ ‘святой’, рдгі ‘бескровное жертвоприношение’, рдГsti ‘жертвенный’. Сюда же можно отнести выявленное в топонимии слово tДрщц, обозначающее жертвенное покрывало на оленя.

2.2. Имена духов-охранителей и других сверхъестественных существ

В хантыйской топонимии Казыма представлены все категории богов (духов), представителей трех миров – Верхнего (небесного), Среднего (земного) и Нижнего (подземного), при этом для обозначения священных мест ханты нередко используют только имя духа-охранителя.

Таким образом, топоним оказывается самодостаточным и без номенклатурного географического термина.

О каждом из духов или сверхъестественных существ, имена которых отразились в составе казымских топонимов, в работе приводятся сведения, полученные от наших информантов, а также извлеченные из опубликованных материалов по фольклору, из этнографической литературы и т. д. Все они рассматриваются в последовательности от высших духов к низшим. В том числе:

tДгшт 'Верховный небесный бог', 'верховное божество', также 'небо', 'погода', 'природа', 'век'.

x#N или x#N #ki 'Хинь-мужчина', или x#N wДрт 'Хинь-дух' – один из сыновей Торума, главное божество Нижнего мира, дух болезней и смерти, хозяин подземного царства, куда уходят умершие; k6№ 'злой дух, чёрт'.

#mi – 'Женщина', или kasшт #mi 'Казымская женщина', kasшт t#j #mi «Женщина вершины Казыма», wбt #mi «Верхняя женщина» и т.д. – дочь Торума, главный дух-охранитель реки Казым, верховная богиня-покровительница казымских ханты. С богиней и следами ее путешествия на Казым связаны топонимы, обозначающие священные объекты по всему Казыму от устья до верховья.

SaSi 'Бабушка (по отцу)' – так называют и саму Казымскую богиню, и других местных казымских духов. Употребляется как самостоятельное имя или определяемый компонент в составе теонима. Встречается и как самостоятельный топоним, обозначающий священное место конкретного духа. В топонимии, по нашим материалам, упоминаются шесть различных «SaSi».

#ki 'Мужчина'. В отличие от #mi или SaSi, слово #ki как самостоятельное название духа в топонимии не встречается, однако оно входит в состав имен духов-охранителей (в антропоморфном и зооморфном облике), некоторые из этих имен упоминаются в атрибутивной части топонимов или сами выступают в роли топонимов, называющих святые места.

aket 'Дяди', или #ket 'Мужчины' (множ. число от «#ki»), или jдх 'народ' – несколько духов-охранителей на одном святом месте.

wДрт 'Дух, божество мужского рода', дух-предок, герой-богатырь – персонаж или основное лицо религиозно-мифологических представлений.

?Дх 'Дух, бог', также и его изображение. Словом ?Дх обозначается местный бог – дух-охранитель, предок-родоначальник, а также лесной дух, хозяин воды и земли. Это самая многочисленная категория из всех сверхъестественных существ.

m#A nГ 'Женщина *Миш*' – лесной дух, они живут как люди и дают людям удачу в охоте; pГr nГ 'Женщина Пор' (или, в соответствии с современным произношением на Казыме, – Пур). Эти лесные женщины («лесные

люди)), в отличие от Миш нэ, «как черти», «лесные плохие». При существующем у северных обских угров делении на экзогамные группы Пор и Мось наши информанты рассказывали о людях Мось и Пор как о фольклорных персонажах и как о мифологических предках реальных людей.

рPn wГrt(i) #mi 'Женщина, выделяющая жилы', или ?дп wГrt(i) #mi 'Женщина, выделяющая сухожильные нити'. Имя духа – лесной женщины, фольклорного персонажа.

SPpщ nГ 'Женщина Сюпар'. Древний этноним *SPpщ*, связываемый с определенной сакральной семантикой и употребляемый в составе отэтнонимических словосочетаний, сохраняется у казымских ханты как фольклорно-мифологическое имя хозяйки священного места, имя одного из лесных духов-охранителей, которые, по словам жителей Казыма, «живут в каждом бугорке».

mГ'k 'Менк' – лесной великан, иносказательно называемый также *карицS* 'высокий' или *wДnt Pt* 'лесное нечто'; jчlаN – лесной человек-великан, мифическое существо, подобное менгку'.

wДtSi 'Вотси', wДtSi #mi 'Женщина Вотси' – «лесная богиня, хорошая, в образе женщины». По другой версии это «тоже бог», но в образе птицы.

wes – 'Вес', фантастическое водяное существо, которое иногда считают мамонтом, оно же упоминается в топонимах иносказательно под названием mП?ti 'что-то'. wes занимает особое место в фольклоре и религиозно-мифологических представлениях ханты, хотя его культа и почитания не существовало.

2.3. Названия изображений духов

По наблюдениям К.Ф. Карьялайнена [1922, 1995] у остяков «наиболее важными и заметными сторонами культа местных духов является использование их изображений». Некоторые названия изображений духов находят отражение и в топонимии. В частности, на Казыме есть несколько топонимов, свидетельствующих о существовавших здесь антропоморфных изображениях, сделанных из пней и называемых wГпAije 'личико', wГпAije #ki 'старик с личиком' или ?Дх wГA 'лицо духа'. Эти «чучела», как называют их информанты, могут быть изображениями локальных духов. Здесь же обнаружены антропоморфные изображения из пней, выполняющие особую функцию – это 'повар' и 'повариха', устанавливаемые у священного лабаза по обе стороны костра, на котором готовится пища.

3. Священные деревья

Некоторые топонимы Казыма содержат указания на священные деревья или являются непосредственными их названиями. Как правило, такие деревья отличаются своим необычным, выделяющимся внешним видом, на некоторых из них имеются затесы – антропоморфные личины и другие изображе-

ния. Ср.: w6s(ш) a'kц? сдјщт «Ручей с дырвым пнем (стволом)», названный по стоящей на его берегу огромной лиственнице с дырой в рост человека; схцц? јбх «Ива-дерево» – огромное, «как в малицу одетое», возле которого нельзя брать дрова, и вообще нельзя трогать ни травинки; пa\k wд\хщр #ki «Лиственничная зарубка-мужчина» – священная лиственница, названная по имени духа пa\k wд\хщр #ki, лицо которого вырублено на этом дереве; сбтщт т#јщ\ (т#јщр) wДпАi «Сосна с березовой вершиной», которая выросла на том месте, где Казымская богиня оставила свой хорей. Все эти деревья считаются местами вместилищами духов-охранителей и хозяев местных угодий и несут сакральную нагрузку: береза – дерево неба, лиственница – дерево лесных людей и т.д. Приведенные казымские данные дополняют уже известные в этнографической науке сведения о скульптурных антропоморфных изображениях на пнях и о священных деревьях у народов Западной Сибири.

4. Роль мифологии и фольклора в формировании топонимической системы бассейна реки Казым

Говоря об отражении духовной культуры ханты в топонимии, нельзя не отметить роль мифологии и фольклора в формировании топонимической системы исследуемого региона. Топонимы, отражающие религиозно-мифологические представления ханты и «реализующие» события хантыйских легенд, могут составлять комплексы названий, которые привязывают детали мифологических и фольклорных сюжетов к конкретным участкам местности, к известным элементам местного ландшафта, создавая ощущение реальности мифа или легенды. На Казыме выявлено несколько таких комплексов. Хантыйские легенды, отразившиеся в топонимии, могут иметь реальную основу, сохраняя память о действительных событиях, имевших место в истории народа. Но историческая реальность нередко представлена в преломлении через призму мифологии и фольклора. Проявляясь в единичных топонимах или целых комплексах – микросистемах, топонимические легенды становятся ценным источником сведений по истории и культуре ханты. Комплексы топонимов в большей степени способствуют сохранению сюжетов хантыйской мифологии и фольклора в памяти народа и могут быть использованы как средство их реконструкции.

Топонимы, связанные с религиозно-мифологическими представлениями ханты и нашедшие отражение в фольклоре, позволяют оценить огромную роль этих представлений в целом и мифологических и фольклорных сюжетов в частности – в создании традиционной картины мира казымских ханты и в организации топонимического пространства исследуемого региона. При этом топонимия подтверждает выводы этнографов [Соколова 1977, 1986 и др.; Молданов 1999; Перевалова 2004] о достаточно позднем формировании и закреплении данной этнической группы на территории Казыма.

В целом топонимия бассейна реки Казым широко отражает традиционное мировоззрение и особенности духовной культуры ханты, сохраняемой современным казымским населением, несмотря на все внешние воздействия, и позволяет убедиться в том, что хантыйское население Казыма сохраняет дошедшие из глубины веков древнейшие элементы духовной культуры обских угров.

В пятом разделе диссертации – «Лингвоэтнические контакты на Казыме и их отражение в топонимии» – на лексическом и топонимическом материале с широким привлечением историко-культурных данных показано взаимодействие казымских ханты с другими группами хантыйского этноса и с другими народами – ненцами, коми, манси, татарами и русскими; также подвергаются анализу топонимы неясного происхождения.

1. Казымские ханты и другие народы

Топонимия бассейна реки Казым, многогранно отражающая освоение территории региона хантыйским населением, является также важным источником этноисторической информации, сведений о языковом и этническом взаимодействии на территории региона в прошлом и в наши дни. Формирование современной топонимической системы Казымского края происходило при участии многих поколений местных жителей, и не только ханты.

Северные ханты. Встретившийся в составе казымских топонимов этноним ?ч\а, называющий нижеобских, салехардских ханты, указывает на контакты с ними в районе верхнего течения Казыма, где были проходящие с севера на юг оленьи дороги.

Ненцы. Казымские топонимы с компонентом jПгб 'ненец' и ряд других названий фиксируют места хантыйско-ненецких контактов на Казыме. Начавшись в далеком прошлом, эти контакты продолжают и теперь, поскольку лесные ненцы, как и ханты, являются коренным населением казымского региона, проживают в основном в д. Нумто и занимаются оленеводством и охотой. У всех групп ханты и у северных манси существует множество сюжетов легенд и преданий о их военных столкновениях с ненцами [Головнев 1995], что подтверждается историческими источниками XVII – первой четверти XVIII в. [Терещенко 1959]. Мотивы войн с самоедами нередко оказывались запечатленными в названиях местностей [Матвеев 1976]. Яркие примеры преданий о столкновениях ханты с ненцами встречаются также и на Казыме. Они привязаны к конкретным географическим объектам и нашли отражение в местных топонимах (jПгб ?дг «Ненецкое озеро», jПгб ?ащ?ti sч\шт «Яр, (у которого) ждут ненцев» и др.), причем часто подчеркивается, что на хантов нападали не местные, а северные, «салехардовские» ненцы.

Топонимия лесных ненцев – одно из белых пятен на топонимической карте Западной Сибири – еще ждет своего исследователя. Она, в отличие от топонимии тундровых ненцев [Терещенко 1965, 1982; Алекса 1971; Матвеев 1985; Вануйто 2003], практически никогда не была предметом специального изучения. Способы ее передачи на картах несовершенны. Ее выявлением по письменным источникам, так же как и полевым сбором в бассейне Надыма, Пура и в других труднодоступных местах, где проживает этот немногочисленный народ, никто не занимался. В рамках настоящего исследования, привлекая имеющийся у нас материал по ненецкой топонимии верховьев реки Казым, мы ограничиваемся характеристикой названий, обозначающих объекты, относящиеся непосредственно к бассейну Казыма, делая исключение для не связанного с Казымом озера Нумто и его ближайших окрестностей. Этот материал не столь велик по объему: выявлено немногим более сотни ненецких названий на территории верховий Казыма и окрестностей озера Нумто, но в ситуации полной неизученности топонимии лесных ненцев и эти сведения представляют большую ценность.

Как свидетельствуют данные современных карт и наши полевые материалы (д. Нумто, 1991 г.; пос. Казым, 1998, 1999 гг.), в верхнем течении р. Казым и в окрестностях оз. Нумто ненецкие топонимы перемежаются с хантыйскими. Около 35% ненецких топонимов здесь имеют параллельные хантыйские названия, представляющие особый интерес в плане выявления ненецко-хантыйского языкового взаимодействия на Казыме. Выделяются следующие группы топонимов:

1. Топонимы ненецкого происхождения, не имеющие хантыйских параллелей (ja\kяwЩц тф «Озеро пещни», p2Nяa тф «Щучье озеро»).

2. Параллельные ненецкие и хантыйские названия, совпадающие по семантике. В большинстве случаев это, по-видимому, хантыйские кальки ненецких топонимов (хант. j#nti ?дг «Озеро тетивы» ~ лесн. нен. jeN тфjaj «Озеро тетивы» (точнее, «Озерище...»), так как -jaj – увеличительный суффикс); хант. wDnt ?дг ~ лесн. нен. p'eta?a тф «Лесное (таёжное) озеро»; хант. tДгшт ?дг ~ лесн. нен. n7m тф «Небесное (или «Божье») озеро»).

3. Параллельные ненецкие и хантыйские названия с несовпадающей семантикой (хант. рсті ?дг «Последнее (крайнее) озеро ~ лесн. нен. m'e\ka жаха тф «Озеро реки с заводью», хант. рП? jПха< ?дг «Озеро Запорной реки» ~ лесн. нен. p2Nяa тф «Щучье озеро»).

4. Топонимы с ненецкими и хантыйскими компонентами, из которых ненецкие лексемы представляют собой как апеллятивы, так и собственные имена, причем апеллятив может быть уже усвоенным в хантыйском языке ненецким заимствованием (хант. tдwкyна ?дг «Озеро [ненца по имени] Тов-

куна»; хант. Ык ?дг ~ лесн. нен. ?uk тф «Глухариное озеро» – название этой птицы заимствовано ненцами из хантыйского языка).

В силу лингвоэтнической ситуации, сложившейся в ходе освоения верхнего течения бассейна реки Казым и примыкающей территории, хантыйский топонимический пласт в целом здесь является более поздним, вторичным. Однако в условиях активного хантыйско-ненецкого взаимодействия, продолжающегося на Казыме и в районе озера Нумто до сих пор, возможно и одновременное появление параллельных ненецких и хантыйских названий.

Коми. Топонимия Нижнего Приобья, как и нарицательная лексика хантыйских диалектов, является ценным источником сведений о взаимодействии ханты и коми. Казымский топонимический материал позволяет вновь обратиться к рассмотрению вопроса о коми-хантыйских этнических и языковых контактах, имеющих длительную историю и продолжающихся на Казыме до настоящего времени.

В истории проникновения коми за Урал, начавшейся с XI в., выделяют несколько этапов. Мигранты первой волны (XI–XVII вв.), попав в хантыйское окружение, утратили язык, культуру, были полностью ассимилированы. Мигранты второй волны (2-я пол. XIX–нач. XX вв.) – оленеводы ижемцы до 30-х гг. XX столетия почти не вступали в контакты с аборигенами-ханты, хотя и жили в хантыйском окружении. Эта группа коми до наших дней сохраняет традиционную культуру, язык, самосознание [Мартьянова 1994; Пархимович 1991, 2000; Морозов, Пархимович 1997 и др.].

В настоящее время на Казыме проживает более 100 семей коми (зырян). Они, как и другие коми, живущие в Северном Приобье, являются потомками последней волны переселения коми-ижемцев за Урал из Ижмо-Печорского бассейна, произошедшего уже в XX в.

Обосновавшись на Казыме, ижемцы-олленеводы восприняли топонимическую систему казымских ханты и не внесли существенных изменений в нее. Однако на соседней территории, в бассейне реки Надым, коми топонимы все же изредка встречаются вперемежку с ненецкими и хантыйскими. В современной топонимии Казыма коми названий нет. Тем не менее, взаимоотношения ханты и коми в этом регионе находят достаточно много топонимических подтверждений:

1. Этнотопонимы с компонентом *счган* ‘зырянин’ (*счган хД ?дг* «Озеро зырянского мужчины», *счган сдјшм* «Зырянский ручей»).

2. Гидронимы с детерминантом *-ју* (коми *ю* ‘река’). Этот компонент выделяется в составе имен трех находящихся рядом притоков реки Лыхма: ее левые притоки – **Пажью** и **Ай Пажью**, а также правый приток – р. **Шарью** с притоком **Ай Шарью** (картогр. формы). Атрибутивные компоненты этих топонимов также интерпретируются на пермской

основе: **Пажью**, возможно, «Грязная (мутная) река» или «Река с торфяными наносами», а **Шарью**, в свою очередь, может восходить к коми **Шӧр ю** «Средняя река», поскольку это приток, впадающий в р. Лыхма справа, между двумя ее левыми притоками – Ай Пажью и Вон Пажью.

3. Лексика коми происхождения в составе хантыйских топонимов Казыма. В их числе – **заимствованные коми лексемы**, усвоенные казымским и другими диалектами хантыйского языка, а также коми заимствования, зафиксированные **только в казымском диалекте**. К последним относятся географические термины кГгас ‘гора’, јекщр ‘предболотье’, јекгас (термин, производный от јекщр) – ‘местность с предболотьем’, w#s ‘ручей’, ‘проток между двумя озерами’, ‘ручей, соединяющий озеро с рекой’. В ряде случаев коми заимствования приобретают в хантыйском языке новое, переносное – географическое значение: уже упоминавшиеся кчАас ‘карман’ → ‘залив’, тдс ‘прямая перекладина, палка’ → ‘прямая короткая протока, прямница’; также наблюдается тенденция к использованию коми слов в качестве табуированных лексем «медвежьего языка» (Аак ‘медвежья кость’ и др.).

4. Некоторые **неясные компоненты** в составе хантыйских топонимов Казыма также оказываются заимствованиями из языка коми: ?#р – в топониме ?#р јПха<, ср.: коми **лӧн** ‘древесный хлам, сор, валежник’ и др.

5. Следует также отметить важную роль посредничества коми в передаче хантыйских и мансийских географических названий русским и таким образом их участие в создании топонимии Западной Сибири. На Казыме следы этого посредничества обнаруживаются в названиях селений **Юильск** – из коми **ю йыл кар** ‘городок вершины реки’ < хант. wбт wdА ‘верхний (или дальний) городок’ [Этимология М.А.Тяботова. – 1991], **Чуиль (Чуели, Чуэли)** – хант. Sбјщ?, Sбјщ№ (кДрт) < коми TSo3-j2l (чой йыл) ‘вершина горы’ [этимология Р. Радомски. – 1994], также в названиях древних казымских городков (по письменным источникам): **Черикор (Черикар)** – из коми ‘рыбный городок’ (**чери** ‘рыба’ + **кар** ‘городок’) [Тяботов 1991] < хант. хб? ?дг кДрт (хб? ?дг wdА) «Селение (городок) у Рыбного озера»; **Келчикар** – из коми **келчи кар** ‘сорожий городок’ < хант. kel’Si- (?дг) кДрт [этимология В. Штейница. –1962].

Несмотря на то, что собственно коми топонимов на Казыме нет, топонимический материал содержит убедительные факты, подтверждающие длительное коми-хантыйское взаимодействие в Казымском регионе. Участие коми, появившихся на Казыме задолго до русских, в формировании системы географических названий бассейна Казыма очевидно. Но поскольку археологи еще не обнаружили следов древних поселений коми на Казыме, значит, пока нет убедительных доказательств того, что основателями казымских городков на -кар были коми. Жившими

или бывавшими в этих местах коми названия средневековых остяцких городков на Казыме могли быть переведены на свой язык. В коми варианте они усваивались русскими, не всегда сохраняясь впоследствии. История топонимов **Черикар** и **Келчикар** свидетельствует о том, что эти наименования не удержались в русском языке и были вытеснены соответствующими топонимами на языке хантыйского населения – **Хуллор** и **Кельси лор** (> **Кесь лор** > **Кислор**). Однако топоним **Юильск** сохранился в русском и хантыйском употреблении как официальное название деревни, а название **Чуиль** и его варианты существуют, не имея собственно хантыйских соответствий. Аналогична судьба коми топонимов и в других районах Приобья. Элементы коми происхождения, выявленные в современной топонимии региона, не слишком многочисленны и хронологически неоднородны. Большинство из них, очевидно, представляет собою адстрат. Коми компонент в топонимии бассейна Казыма придает ей особый колорит и местную специфику.

Манси. Количество манси (вогулов) на исследуемой территории никогда не было значительным. Немногочисленные манси, живущие в хантыйском окружении, не могли оказать какого-либо существенного влияния на формирование казымской топонимической системы, поэтому топонимы мансийского происхождения в ней, можно сказать, не представлены, если не считать отдельные не вполне ясные случаи, как, например, название реки **Амня** (крупного левого притока Казыма), в котором возможно выделение мансийского детерминанта **-я** ‘река’ и не этимологизируемой атрибутивной части.

Проблема «Казым и манси», тем не менее, существует и заслуживает самого пристального внимания. Она имеет непосредственное отношение к этнической истории казымских ханты, которые, строго говоря, не являются древнейшим населением Казыма и сформировались как этническая территориальная группа достаточно поздно. Как было установлено З.П. Соколовой, мансийский компонент прослеживается в составе хантыйского населения Казыма и представлен фамилиями местных жителей [Соколова 1977, 1986, 1993 и др.]. Тесные мансийско-хантыйские связи на Казыме выявляются и по данным фольклора [Соколова 1977, 1993; Шмидт 1994].

Некоторые современные этно- и антропотопонимы Казыма также непосредственно связаны с историей формирования этнической группы казымских ханты и с историей их культурных традиций, имеющих много общего с северномансийскими. Покажем это на трех сюжетах.

1. Топонимы с компонентом **wПха№**, означающим ‘манси из селений по Сосьве, Ляпину, Лозье и некоторых по Оби’ [DEWOS 1575], что соответствует русскому **вогул**. Этноним стал родовым именем и

основой для антропонима **Вогаль** и известной на Казыме фамилии **Вогалев (Воголев)**, носителем которой, по словам местных жителей, были ханты. В действительности это были ассимилированные в хантыйской среде манси или особая этническая группа в составе обских угров, что подтверждается данными фольклора и материалами этнографов (В.Н. Чернецов, З.П. Соколова, Е.П. Мартынова, Е.В. Перевалова). Имеются сведения, что Вогалевы (Воголевы) переезжали на Казым с Вогулки и с Сосьвы. Представителей этой фамилии на Казыме нет, по всей видимости, уже около полувека, но она сохраняется в местных топонимах. Ее происхождение объясняет противоречивые толкования относительно этнической принадлежности ее носителей и проливает свет на историю формирования этнической территориальной группы казымских ханты.

2. Топонимы, имеющие в своем составе фамилию **Тузин** (tɬSin) или прозвище **Ёрла** (jɔrla). История появления на Казыме людей с этими именами также представляет интерес с точки зрения истории формирования этнической группы казымских ханты, поскольку имеются сведения о переселении их с Сосьвы для осуществления деятельности «поваров» во время жертвоприношений Казымской богине (которая сама, по легендам, была родом с Верхней Сосьвы).

3. Третий сюжет, связанный с историей заселения Казымского края выходцами с Сосьвы, имеет отношение к происхождению не топонима, а называемого объекта – это легенда о возникновении деревни Чуели, согласно которой предки ханты Куриковых, основавших это селение, во время Великого потопа – «святой воды» (jɬmɬ\j#k) спустились на плотах с Сосьвы на Обь. Так как фамилия Куриков известна и среди сосвинских манси, то, по-видимому, переселенцами с Сосьвы, основавшими деревню Чуели, были манси, впоследствии ассимилировавшиеся в хантыйской среде, или всё те же wɬxaŋ, сыгравшие свою роль в этногенезе и хантов, и манси.

Лингвистический, фольклорный и исторический материал показывает сложность формирования казымской территориальной группы ханты (по З.П. Соколовой, этот процесс завершился в XIX в.) [Соколова 1986]. Исторические судьбы манси тесно сплетаются с историей хантыйского населения Казыма, поэтому неудивительно, что «мансийский след» на Казыме обнаруживается и в наши дни.

Татары. Топонимические свидетельства хантыйско-татарского взаимодействия в Казымском регионе единичны и представлены названиями с компонентом хчtaN ‘татарин’, которые, строго говоря, относятся к примыкающей территории в районе низовья реки Казым. Проблема лингвоэтнических контактов ханты и татар, их история и отражение в топонимии Нижнего Приобья – безусловно, очень важный вопрос, заслуживающий специального

изучения, но в связи с недостаточностью материала по территории бассейна Казыма в данной работе он не рассматривается.

Русские. Будучи хронологически неоднородной, хантыйская топонимия Казыма отражает как прошлое, так и современную жизнь коренного населения региона. В целом сохраняясь как система, в процессе живого функционирования она испытывает изменения в результате воздействия внешних факторов. Одним из таких факторов, приводящих к изменениям в данной топонимической системе, является хантыйско-русское лингвоэтническое взаимодействие, начавшееся более 400 лет назад с приходом русских в Сибирь и с присоединением Сибири к Русскому государству.

О хантыйско-русских контактах, в частности, свидетельствуют казымские топонимы с компонентом г6S 'русский': например, кчт г6S сдйщт «Ручей двух русских» в верховье Казыма, г6S с6мщт НП? «Русский Березовый мыс», бывшее селение у устья реки Казым. Но вплоть до установления советской власти русское влияние на Казыме было минимальным. В 1928 г. среди населения Казымского (Полноватского) тусовата отмечается всего один русский – в с. Полноват, (по всей видимости, это был священнослужитель). В 1999 г. в том же Полновате проживало уже более 700 чел. русских, что составило около 60 % жителей села; в то же время в других сельских населенных пунктах района русских жителей значительно меньше. В новых поселках Белоярского района и в городе Белоярском, население которого к 2000 году достигло 18 тыс. человек, проживают в основном русские. Всего же в городе и районе по последним данным проживает 28 тыс. человек, из них только 2970 – представители коренных народов [Куриков 2001].

Хантыйско-русские контакты активно развиваются в наши дни в связи с промышленным освоением природных ресурсов Севера Тюменской области. К сожалению, эти процессы часто имеют неблагоприятные последствия, оказывая разрушающее воздействие на традиционную культуру ханты, что приводит и к разрушению местных топонимических систем. Но так как на Казыме черты традиционного хозяйственного уклада ханты, культурные традиции и хантыйский язык все же сохраняются, есть условия и для сохранения хантыйской топонимии, которая до сих пор продолжает существовать как живая, функционирующая система.

Многолетние полевые исследования топонимии бассейна реки Казым, проводившиеся автором, позволили определить некоторые *тенденции и основные направления* хантыйско-русского взаимодействия в топонимии региона. Влияние русского языка на хантыйский проявляется, с одной стороны, в усвоении русских заимствований хантыйским языком, что приводит к появлению компонентов русского происхождения в составе

хантыйских географических названий. С другой стороны, происходит русская адаптация, переработка хантыйских топонимов – в соответствии с нормами русской фонетики, морфологии, словообразования, существующих топонимических традиций.

1. Заимствования из русского языка в составе хантыйских топонимов. Как правило, эти слова адаптированы в хантыйском языке в соответствии с особенностями хантыйской фонетики и морфологии. Семантика заимствований нередко также претерпевает изменения.

Апеллятивы. Они относятся прежде всего к сфере материальной культуры, поскольку русские слова проникали в хантыйский язык прежде всего «вместе с предметами, ранее Казымским остякам неизвестными» [Шухов 1915]. Среди них: Аај ‘чай’, продукт и напиток (русс. < китайск.), вторичное значение в хант. языке – ‘растение, которое используют для заварки чая, «хантыйский чай»’, kalaS ‘калач’, у ханты > ‘сушка, баранка’; рДгса ‘порса’, рыбная мука (русс., возможно, < селькуп.), Ааг ‘шар’ – табак (русс. диал. *шар* < монг.); раkГр ‘погреб’, у ханты эта постройка – сруб для хранения продуктов – может быть углублена в землю или поставлена прямо на земле; амраг ‘амбар’ (русс. < тюрк.), у ханты слово может обозначать хозяйственное сооружение из веток; ?Прас ‘лабаз’, срубная постройка на столбах; sat ‘сад’, садок для содержания живой рыбы. В топонимии также встречаются заимствования – семантические дублиеты, слова, обозначающие реалии, уже названные в хантыйском языке: pelki ‘белка’, wД?na\ ‘волнистый, ступенчатый’ (от русск. волна + атрибутивный суффикс). Примечательны также отдельные относительно новые лексические заимствования, отражающие преобразования советского времени и современное промышленное освоение территории Казыма: Akola ‘школа’, арТе: ‘артель’ (колхозная), w#Ака ‘вышка’ (геодезическая, буровая).

Антропонимы. Выявленные в составе хантыйских топонимов Казыма антропонимы рассмотрены выше в разделе 4. В данном разделе они только перечисляются.

2. Русская адаптация хантыйских топонимов

В результате этого процесса местные хантыйские названия, переработанные под воздействием русского языка, закрепляются на картах, в официальных документах и в литературе и употребляются в устной речи как русским, так и хантыйским населением в адаптированной, русифицированной форме (большинство современных ханты в основном хорошо владеет русским языком, а молодое поколение, к сожалению, недостаточно знает хантыйский).

Адаптированные топонимы отражают русско-хантыйское взаимодействие на различных языковых уровнях.

Фонетическая адаптация хантыйских топонимов обусловлена фонетическими различиями между языками, в частности, наличием в хантыйском языке, кроме сходных с русскими, специфических гласных (Г Д П д щ) и согласных фонем (? № \ S w). Они заменяются на частично совпадающие по звучанию русские фонемы.

Фонетическая переработка топонима сопровождается **морфологическим освоением**, в результате которого происходят следующие изменения: 1) разрушается многокомпонентная структура хантыйских топонимов, что проявляется в утрате номенклатурного географического термина и преобразования сложной структуры в одно слово; 2) многокомпонентный по природе топоним, воспринимаемый носителями русского языка как неделимая лексическая единица, включается в систему русского склонения; 3) по нормам русского словообразования топонимы приобретают соответствующие флексии; 4) происходит суффиксальное оформление топонима по русской словообразовательной модели с суф. **-к(а)**, **-ск-** (**-инск-**).

На **лексико-семантическом** уровне результаты хантыйско-русского взаимодействия проявляются наиболее ярко: существуют топонимы, возникшие на основе разных типов калькирования (прямые и метонимические, полные и неполные, точные и неточные кальки), а также параллельные русские и хантыйские названия, разные в семантическом отношении.

В последнее время топонимическая система казымских ханты подвергается более сильному, чем прежде, русскому воздействию. Строительство магистральных газопроводов, начавшееся в Березовском районе в конце 1960-х – 1970-е годы, поиски и разработка нефтяных месторождений вызвали приток значительного количества приезжего населения на Казым. Появились новые населенные пункты, где проживают в основном русские: город **Белоярский** (выросший из поселка **Белый Яр** (основан в 1969 г.) и с 1988 г. ставший административным центром нового – Белоярского – района, территория которого в основном совпадает с бассейном реки Казым), также поселки газовиков **Сорум**, **Сосновка**, **Лыхма** (прежнее название – **Бобровка**). Эти ойконимы являются метонимическими кальками хантыйских названий объектов, в районе которых населенные пункты находятся (**Белоярский** – по яру на берегу р. Казым, остальные поселки – по речкам, у которых они расположены).

Собственно русские топонимы создаются русскими при номинации новых объектов или в результате переименования. Создатели новых топонимов стараются учитывать уже существующие местные хантыйские названия, но идут и по другому пути, следуя русским топонимическим моделям, характерным для искусственной номинации. Отдельные из таких новых названий, данных русскими, хотя и известны местному населению, но не становятся употребительными в речи ханты. Однако есть приме-

ры, когда некоторые русские топонимы, появившиеся на Казыме раньше, с началом установления советской власти и организацией колхозов, всё же были усвоены и сохраняются в употреблении до сих пор.

Число русских топонимов на Казыме увеличивается и за счет того, что современные ханты (в большей степени ханты молодого и среднего возраста) сами – при повсеместном использовании русского языка – создают новые русские названия для объектов, уже названных по-хантыйски. Известны и такие случаи, когда ханты дают объекту не хантыйское, а только русское название (Ср.: **Москва** – местность на болоте в верховьях р. Казым, где в плохую погоду так же легко заблудиться и потеряться, как в Москве).

Более чем десятилетнее наблюдение над функционированием топонимической системы бассейна реки Казым показывает, что хантыйская топонимия региона в современных условиях сохраняет свою преобладающую и системообразующую роль и характеризуется достаточной устойчивостью и стабильностью. Однако с течением времени под влиянием внешних факторов в ней происходят изменения, приводящие к появлению не только новых хантыйских, но и русских элементов.

Рассмотренный топонимический материал дает возможность выявить на Казыме многочисленные и яркие примеры хантыйско-ненецкого, хантыйско-коми, хантыйско-мансийского и хантыйско-русского взаимодействия. Однако подавляющее большинство топонимов создано основной этнической группой коренного населения региона – казымскими ханты. Сама хантыйская топонимия хронологически неоднородна, но в целом ее достаточно позднее происхождение доказывается прозрачностью семантики значительной части топонимов и сохранением их мотивированности в сознании хантыйского населения Казыма.

2. Топонимы с неясной этимологией.

Некоторые из казымских топонимов или их компоненты, не поддающиеся интерпретации на хантыйской почве, проясняются при обращении к лексике ненецкого, коми, мансийского языков, они могут быть и русскими заимствованиями. Но целый ряд местных названий, непонятных современному хантыйскому населению, всё же имеет хантыйское происхождение, а отдельные топонимы с неясными основами, возможно, являются субстратными или содержат субстратные компоненты.

Топонимы с затемненными компонентами хантыйского происхождения могут содержать редкие или забытые хантыйские лексемы, вышедшие из активного употребления в том значении, которое сохраняется в топонимии. Семантика таких топонимов может оказаться затемненной также в результате их переработки и дестимологизации в современном хантыйском языке или вследствие русской адаптации.

Из редких лексем удалось выявить, например, уже рассматривавшиеся выше слова АамщА ‘болотный мох’, ‘мох на озерах’, представленное в атрибутивной части комплекса топонимов на левобережье среднего течения р. Казым (ручей АамАа\ w#s, бор АамАа\ jдхщп, болото АамАа\ хДг, озеро АамАа\ ?дг или АамАа\ w#s aj ?дг), и компонент Nч? ‘мелкий (о реке)’, по-видимому, сохранившийся в двух топонимах: Nчl jПх – «Мелкая речка» (= Nчl jПх jПхан), = картогр. *Няльёхьюган*; *Nчl war кДрт – возможно, «Запорные юрты у мелкого (места)» (= war кДрт «Запорные юрты»), = картогр. *Няльваркурт*.

Объяснение неясных топонимов или их компонентов на хантыйской почве допустимо и в других случаях. Ср.: р. **Лабхорас** (картографическая форма названия) – возможно, из lчр хПгас (сдjщп) «(Ручей) вида (изображения) раздвоенного наконечника стрелы» (номенклатурный географический термин сдjщп ‘ручей’ эллиптирован), – мотивация топонима может быть событийной или метафорической; р. **Выргим** = хант. w#гкщп (w#гкум, wбгкщп) – вероятно, из хант. казым. wбг‘кам в значении ‘красноватый’, – название дано по цвету воды.

Неясные топонимы с основой на гласный + носовой согласный (или на носовой согласный) составляют особую группу. Они широко распространены и к западу, и к востоку от Урала. Их относят к различным источникам: угорским, пермским, самодийским, шире – уральским (финно-угро-самодийским) и даже к недифференцируемому палеосибирскому или палеоевразийскому слою [Матвеев 1985]. Один из таких казымских топонимов – **Выргим** – удалось объяснить их хантыйского языка, но другие, по-видимому, входят в многочисленный ряд древних сибирских гидронимов, этимология которых не установлена. Вероятно, они имеют дохантыйское происхождение и являются субстратными. В исследуемом регионе это название самой реки **Казым** (касщп) и его притоков – **Сорум** (сДгщп), **Мозям** (mПСа\), **Лажсум** (?ахщп), такими же неясными гидронимами с основой на носовой согласный являются ?#х\ (= русск. **Лыхма**), рд?на (в составе названия селения **Полноват**), а также, возможно, компонент wахsе\ (wахSe\ в названии озера wахsе\ (wахSe\) ?дг, = картогр. *Вахсынглор* и название реки амNa (**Амня**). По каждому из них в работе приведена всеобъемлющая информация, все они подвергаются всестороннему рассмотрению с учетом полевых данных, сведений из картографических и письменных источников. Этимология гидронима **Казым**, по мнению А.К. Матвеева, может быть северносамодийской [Матвеев 1994], по остальным необходимы дальнейшие исследования на более широком топонимическом фоне.

Число основ неясного происхождения в топонимии бассейна Казыма в целом невелико: если вычесть из этого списка названия, в которых

все же удалось восстановить форму и семантику неясного компонента (их 13), а также еще 3 предположительно хантыйские **Кур ёх**, **Сыгат ёх**, **Эп юхан**, то топонимов с такими основами останется всего 18. Все они, представлены в гидронимах. Этимологически неясные казымские топонимы есть на всех участках бассейна Казыма, но в районе нижнего течения реки их больше. Особенно интересен в этом отношении бассейн реки Лыхма, где наблюдается скопление гидронимов, в составе которых есть архаичные хантыйские лексемы, и целый ряд названий с неясными атрибутивными компонентами.

Как отмечает А.К. Матвеев [1994], топонимия Приобья свидетельствует, что под верхним обско-угорским пластом здесь скрывается древний субстрат, который, возможно, является самодийским. Дальнейшее исследование выявленных в бассейне Казыма неясных топонимов и топонимов с неясными компонентами, возможно, позволит найти и среди них субстратные самодийские элементы. Пока же из таких фактов есть только гидроним **Казым**.

В **Заключении** диссертационной работы подводятся основные итоги проведенного исследования, позволившего представить топонимии бассейна реки Казым как энциклопедический источник, уникальный памятник языка, истории и культуры казымских ханты и других народов, живших и живущих на изучаемой территории.

Примененная в диссертации методика комплексного лингвистического и историко-культурологического подхода к региональному исследованию топонимии помогает глубже понять и собственно языковую специфику топонимов изучаемого региона, и особенности отразившейся в топонимии традиционной народной культуры. Полученные результаты позволяют наметить пути дальнейшего изучения топонимии других регионов традиционного проживания народов Севера и выделить наиболее актуальные территории для работы по сбору, сохранению и научному описанию безвозвратно исчезающих топонимических систем коренного населения Западной Сибири.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Дмитриева Т.Н. Топонимия бассейна реки Казым: Монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 580 с. (43,5 п. л.)

2. Дмитриева Т.Н. Хантыйские топонимы с неясными компонентами на территории бассейна реки Казым // Изв. Урал. гос. ун-та, 2001. № 20. Гуманитарные науки. Вып. 4. История. Филология. Искусствоведение. – С. 72–77 (0,41 п.л.)

3. Дмитриева Т.Н. Топонимия бассейна реки Казым как источник сведений о традиционных промыслах ханты (охотничий промысел) // Изв. Урал. гос. ун-та, 2005. № 39. Гуманитарные науки. Вып. 10. – С. 152–162 (0,5 п.л.).

4. Дмитриева Т.Н., Контарь А.Е. Особенности передачи хантыйских топонимов в русском языке // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Урала, Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. – Красноярск, 1988. – С. 138–140 (0,13 п.л.).

5. Дмитриева Т.Н., Контарь А.Е. Топонимия казымских ханты // Вопросы финно-угорской ономастики. – Ижевск, 1989. – С. 142–154 (0,78 п.л.).

6. Дмитриева Т.Н. Хантыйская топонимия Казыма // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum: 1 V. Sessiones plenes et symposia. – Debrecen, 1990. – P. 160–165 (0,4 п.л.).

7. Дмитриева Т.Н. "Вес" в топонимии и фольклоре казымских ханты // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII Уральского археол. совещ. – Екатеринбург, 1993. – С. 49–50 (0,13 п.л.).

8. Дмитриева Т.Н. Природопользование и хозяйственная деятельность казымских хантов по данным топонимии // Касум-Ёх: Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории / Под ред. А.В. Головнева. – Шадринск, 1993. – С. 53–63 (0,63 п.л.).

9. Дмитриева Т.Н., Панченко С.В. Ситуативные названия в топонимии казымских ханты // Язык и прошлое народа: Межвуз. сб. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 1993. – С. 168–177 (0,62 п.л.).

10. Дмитриева Т.Н., Панченко С.В. Этнические контакты на Казыме по языковым данным // Сургут, Сибирь, Россия. Междунар. научно-практ. конф., посвящ. 400-летию города Сургута: Тез. докл. – Екатеринбург, 1994. – С. 64–67 (0,19 п.л.).

11. Дмитриева Т.Н. Тайны водяного мамонта // Уральский следопыт, 1994, № 3. – С. 76–77 (0,25 п.л.).

12. Дмитриева Т. Н. Географический термин **вош** ("городок") в хантыйской топонимии Казыма // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири: Тез. докл. X Западно-Сибирского археолого-этнографического совещания памяти В.Н. Чернецова. – Томск, 1995.– С. 62–64 (0,19 п.л.).

13. Дмитриева Т. Н., Панченко С. В. Хантыйско-русское взаимодействие в топонимии Казыма // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тез. Междунар. науч. конф. Т.1. Филология. – Новосибирск, 1995.– С. 235–237 (0,17 п.л.).

14. Дмитриева Т. Н. Взаимодействие христианских и традиционных религиозных представлений у казымских хантов // Узловые проблемы

современного финно-угроведения: Мат-лы 1 Всеросс. науч. конф. финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 1995. – С. 121–123 (0,14 п.л.).

15. Дмитриева Т.Н. Хантыйские антропотопонимы Казыма // Узловые проблемы современного финно-угроведения: Мат-лы 1 Всеросс. науч. конф. финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 1995. – С. 307–309 (0,19 п.л.).

16. Дмитриева Т.Н. Идолы и священные деревья в топонимии казымских ханты // Актуальные проблемы лингвистики, № 91. Уральские лингвистические чтения-96: Материалы ежегодн. региональн. конф. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. – С.18–19 (0,06 п.л.).

17. Дмитриева Т.Н. Коми компонент в топонимии бассейна реки Казым // Христианизация коми края и ее роль в развитии государственности и культуры: Сб. статей. Т. II. Филология. Этнология. – Сыктывкар, 1996. – С. 64–77 (0,9 п.л.).

18. Дмитриева Т.Н. Современные тенденции в хантыйской топонимии Казыма // Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum (Jyväskylä, 10–15. 8. 1995). Pars 5. Sessiones sectionum. Lexicologia & Onomastica. – Jyväskylä, 1996. – P. 224–226 (0,3 п.л.).

19. Дмитриева Т.Н. Идолы и священные деревья в топонимии казымских ханты // Ономастика и диалектная лексика: Сб. науч. тр. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 1996. – С. 36–44 (0,47 п.л.).

20. Дмитриева Т.Н. Образность в топонимии казымских хантов // Культура народов Сибири: Материалы Третьих Сибирских чтений. – СПб., 1997. – С. 271–279 (0,5 п.л.).

21. Дмитриева Т.Н. Топонимические легенды казымских хантов // Традиционная культура финно-угров и соседних народов. Проблемы комплексного изучения: Междунар. симпозиум: Тез. докл. – Петрозаводск, 1997. – С. 76–78 (0,19 п.л.).

22. Дмитриева Т.Н. Медведь в лексике и топонимии казымских хантов // Ономастика и диалектная лексика: Сб. науч. тр. Вып. 2. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. – С.33–39 (0,44 п.л.).

23. Дмитриева Т.Н. "Медвежий язык" в топонимии казымских хантов // Общие проблемы преподавания языков: преподавание русского языка финно-угорской аудитории: Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. – Сыктывкар, 1998. – С. 30–31 (0,13 п.л.).

24. Дмитриева Т.Н. Хантыйский фольклор // Уральская историческая энциклопедия. – Изд-во Екатеринбург / УрО РАН, ин-т истории и археологии, 1998. – С. 568 (0,05 п.л.).

25. Дмитриева Т.Н. Карты 1–8 к статье: Главацкая Е.М. Ханты в составе Русского государства. XVII–XX вв. // Очерки традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). – Екатеринбург: Тезис, 1999. – С. 70–72, 77–78, 80, 88–89, 93 (1,1 п.л.).

26. Дмитриева Т.Н. Топонимическая картина территории проживания ханты (особенности структуры и семантики хантыйских топонимов) // Очерки традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). – Екатеринбург: Тезис, 1999. – С. 113–138 (3,0 п.л.).

27. Дмитриева Т.Н. К истории названий села Полноват // Русская диалектная этимология: Третье науч. совещ. 21–23 октября 1999 г.: Тез. докл. и сообщ. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 1999. – С. 19–22 (0,18 п.л.).

28. Дмитриева Т.Н. Казым и манси // Ономастика и диалектная лексика: Сб. науч. тр. Вып. 3. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 53–66 (0,81 п.л.).

29. Дмитриева Т.Н. Об особенностях отношения к собаке у хантов (по данным топонимии реки Казым) // II Сибирский симпозиум "Культурное наследие народов Западной Сибири: обские угры" (Тобольск, 13–15 декабря 1999 г.): Тез. докл. и сообщ. – Тобольск: ТГИАМЗ, 1999. – С. 177–180 (0,4 п.л.).

30. Дмитриева Т.Н. Язык земли окрестностей Хуллора // Очерки истории Югры. – Екатеринбург: НПМП "Волот", 2000. – С. 79–87 (0,9 п.л.).

31. Дмитриева Т.Н. К истории названий реки и села Казым // Финно-угорское наследие в русском языке: Сб. науч. тр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. — С. 79–87 (0,56 п.л.).

32. Дмитриева Т.Н. Коми-хантыйское взаимодействие на Казыме по данным топонимии и географической терминологии // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы: Сб. статей / Материалы Междунар. науч. конф. (Сыктывкар, 17–19 мая 2000 г.). – Сыктывкар / Коми научный центр УрО РАН, 2000. – С. 454–457 (0,54 п.л.).

33. Дмитриева Т.Н., Каксин А.Д. Диалекты и говоры хантыйского языка // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. В 3-х т. – Ханты-Мансийск: Сократ, 2000. – Т.1. – С. 281–282 (0,05 п.л.).

34. Дмитриева Т.Н. Мифы и реальность в топонимических легендах казымских ханты // Этимологические исследования: Сб. науч. тр. Вып. 7. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. — С. 147–153 (0,41 п.л.).

35. Дмитриева Т.Н. О современном русско-хантыйском взаимодействии в топонимии бассейна реки Казым // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тез. докл. Междунар. конф. (Екатеринбург, 24–26 октября 2001 г.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – С. 345–347 (0,14 п.л.).

36. Дмитриева Т.Н. Путевые описания Г.Ф. Миллера как историко-топонимический источник (на материале топонимии бассейна реки Казым // Северный археологический конгресс (Ханты-Мансийск, 9–14

сентября 2002 г.): Тез. докл. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск, 2002. – С. 315–316 (0,14 п.л.).

37. Дмитриева Т.Н. Хантыйско-русское взаимодействие в топонимии бассейна реки Казым // Финно-угорское наследие в русском языке. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – С. 122–144 (1,4 п.л.).

38. Дмитриева Т.Н. Глагольные формы в составе хантыйских топонимов бассейна реки Казым // XXIII Дульзонские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Преподавание иностранных и национальных языков: Материалы междунар. конф. (Томск, 25–27 июня 2002 г.). Часть II. – Томск: Том. ун-т, 2002. – С. 118–125 (0,44 п.л.).

39. Дмитриева Т.Н. К этимологии топонимов бассейна реки Казым (история гидронима Выргим) // Русская диалектная этимология: Мат-лы IV Междунар. конф. (Екатеринбург, 22–24 октября 2002 г.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – С. 59–63 (0,3 п.л.).

40. Дмитриева Т.Н. Карты 2–6 к статье: Главацкая Е.М. Ханты в составе Русского государства. XVII–XX вв. // Очерки традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е изд., исправл. и дополн. – Екатеринбург: Тезис, 2002. – С. 79–80, 85–86, 88, 100, 102 (0,83 п.л.).

41. Дмитриева Т.Н. Топонимическая картина территории проживания хантов (особенности структуры и семантики хантыйских топонимов) // Очерки традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е изд., исправл. и дополн. – Екатеринбург: Тезис, 2002. – С. 125–148 (3,0 п.л.).

42. Дмитриева Т.Н. Географический термин **raw** в хантыйской топонимии Казыма // Ономастика и диалектная лексика: Сб. науч. тр. Вып. 4. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – С. 28–33 (0,34 п.л.).

43. Дмитриева Т.Н. Топонимы неясного происхождения на территории бассейна реки Казым // Этимологические исследования: Сб. науч. тр. Вып. 8. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – С. 94–110 (1,0 п.л.).

44. Дмитриева Т.Н. Части речи в составе хантыйских топонимов: существительные и прилагательные в хантыйской топонимии бассейна реки Казым // Языки и культура народов ханты и манси: Материалы Междунар. конф., посв. 10-летию НИИ обско-угорских народов (Ханты-Мансийск, 27–30 ноября 2001 г.). Ч. II. Филология. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – С. 17–34 (1,12 п.л.).

45. Дмитриева Т.Н. Запретная река Сорум // Ономастика и диалектная лексика: Сб. науч. тр. Вып. V. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С. 38–43 (0,31 п.л.).

46. Дмитриева Т.Н. Отражение традиционных промысловых занятий ханты в топонимии бассейна реки Казым (рыболовство) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Материалы XIII Западно-

Сибирской археолого-этнографич. конф. К 100-летию со дня рождения В.Н. Чернецова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 246–249 (0,3 п.л.).

47. Дмитриева Т.Н. Хантыйско-ненецкие контакты на территории бассейна реки Казым по данным топонимии // *Congressus decimus internationalis Fenno-ugristarum* (Yoshkar-Ola, 15.08 – 21.08. 2005). Pars II. *Summaria acroasium in sectionibus. Linguistica.* – Yoshkar-Ola, 2005. – С. 49–50 (0,15 п.л.).

48. Дмитриева Т.Н. Орнитотопонимы бассейна реки Казым и религиозно-мифологические представления ханты // *Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г.)*. – Екатеринбург, 2005. – С. 231–233 (0,13 п.л.).

49. Дмитриева Т.Н., Матвеев А.К. Финно-угорское наследие в русской диалектной лексике и ономастике // *Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук. Конкурс грантов 2002 года: Сб. рефератов избранных работ. Книга 1*. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 119–122 (0, 2 п.л.).

50. Дмитриева Т.Н. О двух географических терминах со значением ‘мыс’ в хантыйской топонимии Казыма // *Марийская филология: Учен. зап. ист.-филол. ф-та. Вып. 7 (посвящ. 75-летию проф. Ивана Степановича Галкина) / Мар. гос. ун-т.* – Йошкар-Ола, 2006. – С. 56–63 (0,5 п.л.).

51. Дмитриева Т.Н. Материалы путевых описаний Г.Ф. Миллера как историко-топонимический источник // *Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Часть I. Академические исследования Северо-Западной Сибири в XVIII в.: история организации и научное наследие: Материалы междунар. симпозиума.* – Екатеринбург: НПМП «Волот», 2006. – С. 210–220 (0, 68 п.л.).

52. Дмитриева Т.Н. Значение научного наследия В. Штейница для топонимических исследований // *Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Часть II. Академические исследования Западной Сибири в XIX–XX вв.: история организации и научное наследие: Материалы междунар. симпозиума.* – Екатеринбург: НПМП «Волот», 2006. – С. 51–71 (1,36 п.л.).

53. Dmitrijewa T. *Ostjakische Toponymie von Kasym* // *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. 2 A. Summaria dissertationum.* – Debrecen, 1990. – P. 41 (0,06 п.л.).

54. Dmitrijewa T. *Moderne Tendenzen der ostjakischen Toponymie von Kazym* // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars 2. Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factarum.* – Jyväskylä, 1995. – P. 27–28 (0,06 п.л.).

Подписано в печать 14.07.2006. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Усл. п. л. 3,02. Тираж 120 экз. Заказ 2827

Отпечатано в Полиграфическом центре
ООО «Форт Диалог–Исеть»
620026, г. Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 67-б.
Тел.: 251-64-90, 251-39-74, 251-33-40